

№7
Июль 2016

ТА УССКИЙ КЛУБ

Королева!

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Германия
МОИСЕЙ БОРОДА
Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№7⁽¹²⁹⁾
Июль 2016

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ЭПОХА НАНИ БРЕГВАДЗЕ
- 10 ПЕТЬ И ЖИТЬ ПО-БРЕГВАДЗЕВСКИ
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 15 «ПУСТЬ СЛЕЗЫ У НАС БУДУТ ТОЛЬКО ОТ ЛУКА»
НИНО ЦИТЛАНДЗЕ
- 18 ЧТОБЫ НЕ ПОВТОРЯТЬСЯ, НУЖНО МЕНЯТЬ ЖАНРЫ!
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 24 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 ТИФЛИС МОЕГО ДЕТСТВА
КСЕНИЯ ПЫШКИНА-ЛОМИАШВИЛИ
- 36 ВЕЛИКАЯ МАГИЯ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
- 40 ЗАПИСКИ КОЛОМБИНЫ
ЕЛЕНА КИАСАШВИЛИ
- 43 СТУДЕНТЫ ГАРВАРДА – ГОСТИ ЛЕТНЕЙ
ШКОЛЫ ГРИБОЕДОВЦЕВ
НИНО ЦИТЛАНДЗЕ
- 46 БРИЛЛИАНТ В ФУТБОЛЬНОЙ ДИАДЕМЕ
ДАВИД МАРГАЛИТАДЗЕ
- 49 СОЗИДАТЕЛЬНОЕ НАЧАЛО
- 50 ДАТЬ ПАМЯТИ РОДНОЙ ДУШИ
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 52 ТБИЛИСИ В ИЮНЕ
ИРИНА МАСТИЦКАЯ
- 54 ЮБИЛЕЙНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА СТД

На обложке – Нани Бреговдзе, народная артистка СССР и Грузии

ЭПОХА НАНИ БРЕГВАДЗЕ

АЛЕКСАНДР КАЛЯГИН
*Народный артист России,
Председатель СТД РФ*

Многоуважаемая Нани Георгиевна!

Я с радостью присоединяюсь ко всем самым добрым и теплым пожеланиям в честь юбилея, которые звучат сегодня в Ваш адрес от близких, родных, друзей, коллег и многочисленных поклонников Вашего таланта.

А поклонников Вашего творчества в Грузии и на всем огромном постсоветском пространстве – не счесть, романсы в Вашем исполнении знают и любят люди всех возрастов и интересов и для многих из них с Вашим именем связаны светлые, душевные воспоминания о прекрасном безмятежном времени. Вы обладаете голосом удивительной красоты, Вашу мягкую, напевную, интеллигентную манеру исполнения нельзя перепутать ни с чьей другой. И дай Бог, чтобы еще долгие годы Вы дарили нам всем свое искусство.

Дорогая Нани Георгиевна!
Я желаю Вам доброго здоровья.

Пусть никакие трудности не омрачают Вашу жизнь, а радость и счастье сопровождают Вас повсюду!

Пусть рядом всегда будут родные и близкие Вам люди, и пусть они дарят любовь, окружают вниманием и заботой!

И пусть неизменной остается любовь и признание зрителя!

Всего Вам самого-самого доброго!

Искренне Ваш
Александр Калягин

АЛИСА ФРЕЙНДЛИХ
Народная артистка СССР

Я нежно люблю Нани. Она одна из очень немногих артистов и человек, которых я крепко люблю. Нани – высшего сорта и женщина, и человек, и актриса, и певица. Желаю ей сил, здоровья, и присущего ей ощущения детства, которое она сохранила. Такие люди не подчиняются возрасту!

ОЛЕГ БАСИЛАШВИЛИ
Народный артист СССР

Дорогая Нани! Любимая Нани! Ты не просто замечательная певица, ты не просто великолепно поешь! Когда я слышу твои песни, я получаю наслаждение не только от музыки, не только от твоего голоса, но я слышу в нем голос Грузии, родины моей, которая подарила нам твой талант! Будь счастлива! Влюбленный в тебя
Олег Басилашвили

МАКВАЛА КАСРАШВИЛИ
Народная артистка СССР

Нани для меня уникальная личность. Повторить ее невозможно. Несравненная, я всю жизнь являюсь поклонницей, восторгаюсь ей. Для меня боль-

шой подарок судьбы и честь быть ее другом. Желаю ей всегда оставаться молодой и жизнерадостной. Я рада, что у нее есть внучка, которая, я уверена, добьется мировой оперной славы. Нани занимает такое же место на эстраде, как Мария Каллас в опере. Нани создала целую эпоху, так же, как и Каллас.

ЛЮБОВЬ КАЗАРНОВСКАЯ
Оперная певица

Дорогая и глубокоуважаемая Нани! Радуюсь возможности поздравить Вас с днем рождения и пожелать здоровья, вечной молодости тела и Духа! Для всех нас Вы – олицетворение замечательного интеллигентного и творческого человека-музыканта! Так хочется слушать романсы и песни с Вашей очень особенной и задушевной интонацией... Пусть оптимизм, красота, порода артиста, так свойственные Вам, будут примером молодым!!!

Люблю Вас! Ваша Любовь Казарновская

ЭДИТА ПЬЕХА
Народная артистка СССР

Дорогая Нани! Здоровья, радости, удачи, радости от внуков! Желаю выступать долго!

Ваша Эдита Пьеха

ТАМРИКО ГВЕРДЦИТЕЛИ
*Народная артистка Грузии,
Народная артистка России*

Коленопреклоненно поздравляю нашу великую Нани с днем рождения! Оставайтесь такой же прекрасной! Желаю, чтобы жизнь была полна вашими замечательными песнями. Счастья и процветания вам и вашей большой семье!

ПОЛАД БУЛЬБЮЛЬ ОГЛЫ
*Народный артист
Азербайджана*

Уважаемая Нани Георгиевна!

В этот знаменательный день Вашего славного юбилея для меня огромная честь и радость выразить свои самые сердечные поздравления и присоединиться к многочисленным искренним пожеланиям любящих и почитающих Вас друзей.

Далеко не каждому, и даже талантливому, музыканту суждено стать знаком эпохи. Вы им стали! Но Вы стали еще и символом целого жанрового направления – сам дух романса, его восприятие миллионами слушателей связано с Вашим индивидуально-неповторимым исполнением, служащим примером для каждого нового поколения певцов.

Дорогая Нани!

Я благодарен судьбе за знакомство с Вами! Вспоминаю 60-е годы, когда мы все были на старте: моих добрых друзей – прекрасный ансамбль «Орэра», замечательные концерты, встречи,

«посиделки» после концертов, ночи напролет разговоры, споры, надежды и мечты... Незабываемое время! Как хорошо, что все это было в нашей жизни!

Ваше присутствие на моем прошлогоднем юбилейном концерте в Тбилиси осталось одним из самых дорогих моему сердцу впечатлений. Всякий раз встречаясь с Вами, я испытываю неподдельную радость. А последние киносъёмки в Тбилиси, где мне довелось сыграть роль Вашего мужа (хотя бы в кино), доставили мне истинное удовольствие.

Вас очень любят, ценят и почитают в Азербайджане, где Вы стали олицетворением самых достойных качеств Грузии.

Сейчас самое главное – это здоровье! Желаю Вам еще много-много лет радовать нас всех своим замечательным искусством. И пусть Вас всегда радуют Ваши родные и друзья!

АНСАМБЛЬ «ПЕСНЯРЫ»

Дорогая Нани! Бог дал нам, к сожалению, немного времени для совместной работы, но его хватило для осознания встречи с гениальной певицей, великолепным музыкантом, Человеком с большой буквы. Ваше творчество принадлежит не только Грузии. Оно – достояние всей мировой культуры! Крепкого вам здоровья и долгих лет жизни!

С уважением и любовью

*Директор ансамбля
Анатолий Щелоков
Заслуженные артисты
Белоруссии
Владислав Мисевич
Валерий Дайнеко
Игорь Пеня
Анатолий Кашепаров
Леонид Тышко*

БАДРИ МАЙСУРАДЗЕ
Заслуженный артист РФ

Всеми любимая и дорогая Нани! Грузия гордится Вашим безграничным талантом, обаянием, профессионализмом и красотой!

Вся моя жизнь пропитана Вашим искусством и творчеством. И желаю Вам много, много лет быть такой же обворожительной, звучать так же солнечно и быть окутанной любовью народа! Искренне Ваш поклонник и почитатель.

ЭЛЬВИРА УЗУНЯН
*Народная артистка Грузии,
Народная артистка Армении*

Нани, дорогая! Как светлые праздники вспоминаю наши встречи в Тбилиси, в Ереване, в Москве. Пусть всегда Вас греет мысль о том, что Вы щедро дарите людям любовь и доброту через свои романсы и песни. Мои наилучшие Вам пожелания! Искренне Ваша Эльвира Узунян

ВАХТАНГ КИКАБИДЗЕ
Народный артист Грузии

В первую очередь, Нани моя подруга, мы дружим уже очень

много лет. Я глубоко убежден, что она звезда международного уровня. Хочу, чтобы она жила долго и радовала людей. Люблю Нани как человека, как певицу, как друга. Она замечательная личность. Крепко ее обнимаю и желаю счастья!

ЗУРАБ ЦЕРЕТЕЛИ
*Академик,
Президент Российской
академии художеств*

Грузия, счастливая страна, что неизменно рождает талантливых людей. Мы, грузины, гордимся, что у нас есть Нани Брегвадзе – выдающаяся певица современности.

Ее уникальный голос своей красотой и чувственной палитрой завоевал весь мир. В нем звучит истинная душа Грузии. По-особому сплелись в мощный синтез вековые традиции и пульс современности. О Нани Брегвадзе можно говорить много, но особое счастье слушать ее и наслаждаться истинным искусством.

Желаю всего самого наилучшего и море вдохновения!

Искренне Ваш Зураб Церетели

ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
*Специальный представитель
премьер-министра Грузии по
вопросам взаимоотношений с
Россией*

Дорогая Нани, сердечно по-

здравляю с юбилейной датой!

Ваше неповторимое творчество является неотъемлемой частью не только грузинской культуры, но и жизни каждого из нас. Ваш голос – целая эпоха.

Вы не раз покоряли сердца многомиллионных слушателей во всем мире. Вы являлись и являетесь настоящим Послом Мира и визитной карточкой нашей страны.

Желаем многих лет счастливой жизни в окружении всеобщей любви и уважения!

Зураб Абашидзе

РОБЕРТ СТУРА
Народный артист СССР

В юности мне казалось, будто она поет обо мне, только обо мне и, может быть, немножко о себе; потом она пела о Моем любимом городе, о Моей Грузии, словно это пел я! Потом она пела про мою боль и, наверное, и о своей боли тоже. Неожиданно я услышал ее «Калитку» и понял: она, как грузинка, грузины вообще (не в обиду будет сказано) лучше россиян спокуют вам о любовном томлении, задевая самые сокровенные уголки вашего сердца – и снова казалось, что Нани поет о нас. Нани не пела только советских песен, а ведь все лирические певцы и певицы должны были исполнять с эстрады положенные на ноты передовицы, указы партии, даже великой Шульженко приходилось их петь, и мы гордились Нани – словно это мы не пели те безобразные песни. Она пела для простых, но обязательно красивых и добрых людей, она потрясюще исполняла песни Маленького Бродяги. Что говорить, Нани всю жизнь обращалась к нам, как ангел-хранитель, напевая нам про нас же, про наши радости и невзгоды, и про себя, счастливую и немножко грустную, с печальным юмором, великую Нани Брегвадзе!

РОИН МЕТРЕВЕЛИ*Академик*

Поздравляю Народную артистку Грузии, признанную певицу, выдающегося общественного деятеля и личность с юбилеем! Нани Брегвадзе – поистине исполнительница мирового масштаба. Я не раз слушал ее выступления за рубежом, и она всегда покоряла иностранных слушателей. Нани обладает уникальным тембром голоса. Она несравненная исполнительница русских романсов. Всем своим творчеством она подает пример молодому поколению. С пожеланиями долголетия и благополучия, с любовью и уважением.

ЭЛЬДАР ШЕНГЕЛАЯ*Народный артист СССР*

Моя дорогая Нани!
Поздравляю с замечательным юбилеем. Твоя жизнь и творчество – пример для всех нас. Слушаю твои песни, сколько себя помню, и продолжаю получать от них огромное удовольствие. Бог одарил тебя чудесным голосом, потрясающим вкусом и прекрасной внешностью, поэтому ты одна такая, единственная и неповторимая. Наряду с этим, ты неповторимая мать, бабушка, что самое главное, верный и надежный друг. Оставайся с нами очень долго и продолжай делать этот мир прекраснее. Я горжусь тем, что я твой друг.

Твой Эльдар Шенгелая

НИНО АНАНИАШВИЛИ*Народная артистка Грузии,
Народная артистка России*

Дорогая Нани!
От всей души поздравляю Вас с юбилейной датой.

Вы всегда были для меня яркой звездой, светящейся на небосклоне мирового искусства.

Вы были, есть и будете примером женственности, профессионализма и утонченного вкуса.

Всегда Вам преданная и любящая

Нино Ананиашвили

НУНУ ГАБУНИЯ*Заслуженная артистка Грузии*

Хочу пожелать дорогой Нани всего наилучшего. Она по праву – певица номер один в нашей стране. Нас связывает многолетняя дружба. Я помню ее замечательную маму, помню, как все друзья собирались в их гостеприимном доме, где всегда звучали песни и царилась радость. И я хочу пожелать, чтобы эта радость длилась вечно. Кроме того, хочу пожелать больших успехов Эке и Наталье – талантливым продолжательницам династии.

ВАЖА АЗАРАШВИЛИ*Народный артист Грузии,
композитор*

Я горжусь, что мы учились с Нани Брегвадзе на одном курсе – она на фортепианном, а я на композиторском отделении. Это певица всемирного масштаба, высочайшего уровня! Ее прекрасно принимают всегда и повсюду! Она популярна во многих странах мира, особенно в России. Все песни, которые я написал для Нани, стали хитами благодаря ее необыкновенному, глубокому, проникновенному исполнению. Например, «Дни идут», «Солнце, мой добрый друг», «Дороги». Вместе с ансамблем «Орэра» она исполнила «Метехи», «Песня – все мое богатство». Нани Брегвадзе умеет, как никто, передать микронюансы, у нее большой исполнительский вкус, она поет с большим чувством. Певица исполняет русские романсы не хуже, если не лучше, чем сами русские певцы.

НАНУЛИ АБЕСАДЗЕ*Народная артистка Грузии*

Поздравляю Нани с днем рождения! Этот день для меня самый красивый и незабываемый. Этот день для нас украшала всегда мама Нани, калбатони Цабу. Я могу сказать многое, но сейчас я скажу одно. Нани – королева песни XXI века, ее голос лучший из лучших. Красивое вибрато придает ее песням хрустальное звучание и нежность.

Она величайший профессионал, а ее аристократическая внешность всегда украшает сцену. Мы – представительницы одного поколения, родившиеся в один год и один месяц. Нани! Я люблю тебя и преклоняюсь перед тобой!

ЛИЗА БАГРАТИОНИ

Певица

Для девушек многих поколений Нани была и остается эталоном красоты. Все девочки мечтали стать певицами именно из-за Нани Брегвадзе. И я не исключение. Моя мечта сбылась, и я имею честь и право стоять с ней на одной сцене. Но это и большая ответственность, и это всегда очень волнительно. Потому что Нани задает нам всем высокую планку, к которой нужно постоянно тянуться. Она неповторима, другой такой нет.

Желаю Вам любви, долгих лет и счастья, наша дорогая Нани!

ТАМРИКО ЧОХОНЕЛИДЗЕ

Певица

Нани Брегвадзе и Вахтанг Кицадзе – это то поколение, на творчестве которого мы выросли. Прежде всего хочу выразить им бесконечную благодарность. Они внесли много нового в современную грузинскую эстраду. Они – лицо грузинской эстрады.

Спасибо Бубе за каждую его песню. С удовольствием слушаю до сих пор и даю слушать

своим детям. Он научил нас, как надо работать в киномузыке.

Нани – кумир миллионов. Для меня она кумир с детства. Грузия счастлива тем, что у нас есть Нани. Я желаю, чтобы она была долго!

ДАВИД КИНЦУРАШВИЛИ

Художественный руководитель Тбилисского государственного театра оперы и балета им. З.Палиашвили, дирижер

Дорогая, любимая госпожа Нани!

Примите от Тбилисского государственного театра оперы и балета им. З.Палиашвили и от меня лично самые теплые и сердечные поздравления с 80-летним юбилеем. Ваш вклад в развитие грузинской культуры безграничен. Мы все искренне любим Вас за уникальный талант, неустанный творческий труд и преданность искусству. Желаем Вам крепкого здоровья, счастья и оставаться такой же очаровательной, чем Вы всегда отличались от всех.

ИРМА СОХАДЗЕ

Заслуженная артистка Грузии

Долго думала, как поздравить нашу единственную, неповторимую, феноменальную артистку с юбилеем, как пожелать всего самого наилучшего и при этом не быть слишком трафаретной. Ведь так трудно выразить свое искреннее отношение к человеку, которым всю жизнь

восхищаешься, и не только ты, а буквально все кругом. Но одно очевидно – это огромное счастье быть соотечественником Нани, быть ее современником, знать лично, иметь возможность общаться, слушать ее, лицеизреть. Это счастье, которое еще нужно осознать и оценить. Это действительно счастье и я хочу, чтоб оно длилось вечно!

Люблю, обнимаю, всегда
Ваша Ирма Сохадзе

ТЕНГИЗ ДЖАИАНИ

Заслуженный артист Грузии, композитор

Нани, дорогая моя! Вот уже почти век мы знакомы и дружим, но моя любовь к тебе от этого не уменьшается, а наоборот, становится все сильнее! Я горжусь тем, что наша юность прошла вместе, что мы вместе начинали наш творческий путь. Желаю тебе крепкого здоровья, успехов, хотя трудно представить больший успех, чем ты имеешь! Счастья и добра с твоими близкими! Обнимаю! Твой Тенгиз (Беби)

НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Директор театра имени А.С. Грибоедова, Президент МКПС «Русский клуб», заслуженный деятель искусств РФ, заслуженный артист РФ

СОКРОВИЩЕ НАЦИИ

По сегодняшний день во многих странах мира правят королевы. В Великобритании – Елизавета Вторая, в Швеции – Сильвия, в Бельгии – Матильда, в Дании – Маргрете Вторая.

В Грузии – своя монархия. И своя королева. Первая и единственная. Нани Брегвадзе.

Королева романса. Императрица вокала. Или, как ее назвала сама великая Тамара Церетели, «царица эстрады».

Так, как поет Нани Брегвадзе, спеть не может никто.

Ее манера и стиль – уникальны, совершенно своеобразны. Конечно, ей пытаются подражать. У нее учатся. Ее копируют. На нее равняются. Но тщетно – она и в самом деле неповторима.

С Нани Георгиевны мы знакомы более 40 лет. И это знакомство, эту дружбу я считаю для себя знаком отличия. Если угодно – королевской наградой.

Нани – человек редкой породы. Она благородна. Очень умна. Удивительно легка на подъем. У нее прекрасное чувство юмора, и это – то качество, которое я особо ценю. С ней никогда не бывает неинтересно – ни секунды, ни полсекунды. Ее наблюдения – точны, замечания – остроумны, умозаключения – неожиданны. Впрочем, об этом я уже сказал – Нани очень умна.

Я могу сказать, что она для меня – родной человек. Как и для каждого в нашей стране. Песни в ее исполнении звучат больше полурека. И продолжают звучать. Это эпоха. Жизнь нескольких поколений.

Мы говорим романс – подразумеваем Нани.

У меня есть мечта: чтобы в Грузии наконец-то был проведен Конкурс исполнителей русского романса имени Нани Брегвадзе. Чтобы он стал ежегодным. Международным. Так поступают во всем мире, в любой стране, в которой живет персоне такого масштаба и значения, как Нани. Это Школа с большой буквы, и ее потерять нельзя.

Не скрою, мы не сидим сложа руки и уже многое сделали для того, чтобы такой конкурс состоялся. Верю, что в следующем

году так и произойдет.

Знаете, японцы не раздают званий своим великим соотечественникам. Избранным из избранных они присваивают единственный титул – Сокровище Нации.

Нани Брегвадзе – как раз тот самый случай. Про нее лучше сказать нельзя.

АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ
художественный руководитель театра имени А.С. Грибоедова

Недавно в Киеве, на большой сцене концертного зала «Украина», проходил концерт с участием Нани Брегвадзе, Вахтанга Кикабидзе, Эки Мамаладзе и Лизы Багратиони. Слушал их и любовался ими за свой век много раз, и поэтому пошел на концерт, руководствуясь чувством патриотизма и солидарности. Зашел перед началом концерта в кулисы с намерением «поболеть» за моих любимых артистов, но в последнюю секунду вдруг решил и спустился в зал, хотелось увидеть, как встречает публика моих земляков...

Когда вышла Нани, огромный зал «Украины» взорвался аплодисментами, зал приветствовал любимую певицу стоя, она еще даже ноту не взяла, а зал уже кричал: «Мы вас любим». Она стояла на сцене – соткана из теплоты, доброты, спокойствия и скромно улыбаясь, ждала, когда стихнет зал. На сцене стояла народная артистка в прямом смысле этого высокого звания, так как имя Нани Брегвадзе народно уже по самой своей сути. Потом она заговорила своим бархатным голосом и запела. Переполненный зал с умилением слушал ее, а я не уставал поражаться, насколько простым и по-человечески теплым было ее

выступление. В нем был и юмор, и легкость, и увлекательность. Это была работа большого профессионального артиста со зрителем. Все, что говорила и пела Нани, шло из глубины ее души, поэтому время пролетало незаметно. Никто не ждал от нее шоу, представления. Она воздействовала на зрителей другими способами – сердечными. Я слушал знакомые мне с детства песни и видел на сцене особенного человека, без наигранности, свойственной эстрадным артистам. Она несла культуру пения великих, таких, как Тамара Церетели и Кето Джапаридзе, как сестры Ишхнели. Передо мной стояла не просто певица, мы, грузины, певчий народ, нас не удивишь умением петь, перед мной стояла великая певица, которая была олицетворением грузинского духа. Именно грузинского, даже тогда, когда пела русские романсы, она была носителем грузинского духа, грузинской культуры, грузинского достоинства, в ее песне боль и радости грузинской женщины, в ее песнях история нашего народа.

Дорогая Нани, поздравляю Вас с юбилеем, я счастлив, я горд, что вы есть у моего народа!

Коллективы театра имени А.С. Грибоедова и журнала «Русский клуб» сердечно поздравляют Нани Брегвадзе с замечательным юбилеем, желают крепкого здоровья, творческого долголетия и семейного счастья!

ПЕТЬ И ЖИТЬ ПО-БРЕГВАДЗЕВСКИ

■ **Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ**

Для всей Грузии она – просто Нани. Какие ей нужны эпитеты? Она – единственная и неповторимая, наша Нани.

Между тем у Нани Бреговдзе есть и другие имена: при крещении ее нарекли Ниной – поэтому дома обязательно отмечали два праздника – день рождения в июле и именины в январе. Ласково, по-братски – «Шалико» называли Нани «ее мальчики» – артисты прославленного «Орэра», с которыми певица колесила по континентам без малого пятнадцать лет, разделяя триумф в блестящих столицах мира и тяготы длинных переездов по бесконечным просторам Союза.

Свое же знаменитое имя певица получила отнюдь не случайно. Отец будущей королевы романса – Георгий Бреговдзе принимал участие в съемках фильма «Золотистая долина». Главных героев картины звали Георгий и Нани. Так уж сложилось, что во время съемок знаменитые Нато Вачнадзе и Верико Анджапаридзе, а также супруга Бреговдзе – Олико были на сносях. Режиссер картины Николай Шенгелая, супруг красавицы Наты Вачнадзе, предложил дать имя Нани девочке, которая родится первой, а мальчика назвать Георгием. Первой родилась Нани Бреговдзе, у Нато Вачнадзе вскоре появился сын Георгий. Верико Анджапаридзе родила Софику. Все трое новорожденных стали гордостью грузинской культуры. Георгий Шенгелая, известный режиссер, женился на Софику Чиатурели. Нани Бреговдзе и Софику были близкими подругами. Яркой страницей в их биографиях стало участие в фильме «Мелодии Верийского квартала», режиссером которого был Георгий Шенгелая, роль главной героини исполнила Софику, а Нани озвучила за нее песни.

Но вернемся к истокам. Появление на свет Нани сгладило несколько напряженные отношения в семье. Дело было в том, что дедушка был недоволен, что дочь вышла замуж за Бреговдзе и почти три года не разговаривал с зятем, считая его брак с дочерью «мезальянсом». Ничего не поделаешь, в родстве по материнской линии Нани сплелись две ветви княжеских родов Лордкипанидзе и Микеладзе.

Нани Бреговдзе

Дедушка Нани окончил юридический факультет Петербургского университета, был глубоко образованным человеком, в его тбилиском доме собиралось изысканное общество. Одним из главных отличий семьи были врожденные вокальные данные женщин: прабабушка Нани была профессиональной певицей, все шесть тетушек прекрасно пели, а одна из них – Кэто Микеладзе – являлась солисткой Грузинского народного хора. По вечерам родня располагалась вокруг круглого стола, и начинались импровизированные концерты, в которые маленькая Нани вносила немалую лепту, исполняя под гитару «Калитку», «Караван» и другие романсы. Спустя много лет Нани Бреговдзе вспоминала, что уже тогда во время пения по телу ее пробегали мурашки. Тетя Кэто утверждала, что это верный признак того, что девочка поет с душой и станет певицей. Однако мудрая мама говорила: «Твое пение никому не нужно, в первую очередь ты должна быть порядочным человеком!» Конечно, и она мечтала о том дне, когда Нани прославится благодаря своему врожденному таланту.

Детство Нани прошло в типично сололакском дворе, в котором звучала речь на нескольких языках, и все понимали друг друга с полуслова. Дети часто устраивали спектакли, во время представлений открывали дворовые ворота, что-

бы обитатели соседних домов тоже могли насладиться концертом. Наверно, эти спектакли и стали первым публичным успехом Нани.

Кстати, и большой успех долго не заставил себя ждать. Нани поступила в консерваторию, а в свободное от учебы время пела в самодеятельном эстрадном оркестре ГПИ, которым руководил Константин Певзнер. ВИА «Рэро» быстро завоевал популярность. Достаточно сказать, что в нем начинали свои звездные карьеры такие популярные солисты, как Лили Гегелия, Нази Думбадзе, Сулико Корошинадзе, Вахтанг Кикабидзе, Гиули Чохели, Ирма Сохадзе, Медея Дзидзигури.

Однако именно Нани Брегвадзе, солистка «Рэро», стала лауреатом VI-го Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году. Выступление дебютантки отметил Леонид Утесов: «Если эта девочка продолжит заниматься пением, из нее получится хорошая певица».

Оценка была лестной, но для Нани петь было так же естественно, как и дышать, без пения она не мыслила своей жизни. Окончив консерваторию по классу фортепиано, она продолжала выступать в «Рэро». В ее исполнении романсов было столько глубины и чувства, что импресарио и директор самого престижного парижского концертного зала «Олимпия» Брюно Кокатрикс включил молодую солистку в свою шоу-программу «Московский мюзикл-холл», для которой отбирал артистов со всего Советского Союза. Выиграв конкурс, Нани поехала на гастроли в Париж. К тому времени певица уже вышла замуж и родила ребенка. Дома с маленькой Экой

Нани с родителями

Ансамбль «Орэра»

осталась мама Нани.

Парижские гастроли длились два месяца и проходили с аншлагом. Нани жила в одном номере с Людмилой Зыкиной, оказавшейся очень милым и спокойным человеком. Брюно Кокатрикс приобрел всем советским артистам красивые сценические костюмы, только элегантно молодой грузинке он разрешил выступать в собственном – бирюзово-зеленом шифоновом платье, предварительно велел сузить его и вырезать декольте. В роскошной парикмахерской на Елисейских Полях Нани ежедневно делали прическу «а-ля Катрин Денев» из нашумевшего фильма «Шербурские зонтики». Но насладившись обстановкой салона, Нани возвращалась в гостиницу и разбирала высокую башню из волос, которая никак не вязалась с обликом исполнительницы «Калитки», «Московских окон», «Песни о Тбилиси». Уже тогда певица не желала идти на поводу у модных веяний, стараясь сохранить свой имидж – сдержанный и изысканный одновременно. Эти качества с годами позволили ей стать иконой стиля, всегда роскошной, но никогда не вычурной.

После концертов в «Олимпии» с певицей стремились встретиться грузинские эмигранты, отсеченные от родины «железным занавесом», но общаться с соотечественниками запрещалось категорически, что очень огорчало Нани.

Начав творческую карьеру с высокой парижской ноты, Нани в течение всей своей карьеры только поднимала планку. Пожалуй, точнее всех о ее манере исполнения высказался известный композитор и неординарный человек – генерал-майор милиции Алексей Экимян, автор песен «Вся жизнь впереди», «Вот и весь разговор», «Берегите друзей», «Подари мне платок» и других хитов советской эстрады. Написав «Снегопад», он предложил Нани включить песню в свой репертуар. Но Нани долго отговаривалась, мол, не знает, как ее исполнять. Возможно, слова ей ка-

Нани Брегвадзе с дочерью Экой и внучкой Натальей

зались чересчур банальными. Экимян не отступал и сформулировал задачу кратко: «Как исполнять? По-брегвадзевски!». Нани сдалась и не прогадала, песня стала одной из ее визитных карточек. При этом Нани «по-брегвадзевски» постоянно умудряется петь «Снегопад» так, что никто не сомневается, что «если женщина просит», то все желания ее должны быть исполнены, иначе снег засыплет землю, и наступит ледниковый период. Впрочем, все свои песни она постоянно обогащает новыми тонкими переживаниями, движениями души, неповторимыми нюансами и модуляциями богатого голоса. Нани никогда не поет под фонограмму. Однажды на сольном концерте певица забыла слова песни. Пришлось остановиться и попросить извинения у зрителей. Зал ответил громом аплодисментов, оценив, что Брегвадзе поет вживую.

Расцвет популярности Нани пришелся на время оттепели, которое стало своеобразным ренессансом для Грузии. Именно в это время торжественно отпраздновали 1500 лет основания Тбилиси, 800-летие Шота Руставели. На всех континентах с триумфом выступал танцевальный ансамбль

Сухишвили-Рамишвили, о Грузии заговорили благодаря феномену шахматных королей, филигранной игре футболистов, победам борцов, атлетов, гимнастов. В столице открыли первую линию метро. Пользовалось всенародной любовью Грузинское телевидение, тбилисцы воспринимали дикторов – Лию Микадзе, Джульетту Вашакмадзе, Тенгиза Натадзе, Сашико Мачавариани – чуть ли не как членов своих семей. Открыто стали возвращать бывшие десятилетиями под запретом имена грузинских ученых, писателей и просветителей. Были на подъеме культура, наука, искусство.

Разнообразный репертуар ансамбля «Орэра», включавший песни на 22 языках, был одним из звеньев этого мощного прорыва Грузии в большой мир. Нани Брегвадзе и ее коллеги по ансамблю воспринимали как посланцев прекрасной страны.

Зрители восторженно принимали «Орэра» в 80 странах. Десять красавцев-плейбоев, певшие и танцевавшие, как боги, непринужденно переходили от грузинской полифонии к песням на слова Есенина, и зал вместе с ними воспарял ввысь «на розовом коне», парни за-

водили зал бешеными ритмами и джазовыми импровизациями. А потом на сцену выходила царственная Нани и зрители замирали, переживая задушевную страстность русских романсов.

Некоторые поклонники ее таланта выражали свою признательность изысканными подарками. Какой-то тайный воздыхатель регулярно присылал букеты в три сотни роз. Иногда почитатели ставили певицу в неловкое положение, делая щедрые подношения – драгоценности и прочие шикарные «сувениры». Насколько трогательным выглядит в этой связи подарок Сергея Параджанова, который во время совместного концерта в Тбилисской филармонии Нани Брегвадзе и Беллы Ахмадулиной преподнес двум великим женщинам – таким несхожим внешне и так духовно единым – огромные веера собственной работы.

Среди элиты советской эстрады Нани всегда занимала особое место – никто и не оспаривал ее права на трон королевы романса, бессмысленно было соперничать не только с ее талантом, но и с врожденным аристократизмом, чувством собственного достоинства, с которым она неизменно

держалась.

Интересный факт: в 1983 году Нани Брегвадзе на несколько лет раньше Иосифа Кобзона и Эдиты Пьехи получила звание Народной артистки СССР. Удостоиться самого престижного звания в сорок пять лет – случай необычный для советского времени. Статус «народной» давал разные преимущества, однако для Нани по-прежнему было главным оставаться собой: петь и радовать зрителя. Приходилось идти ради творчества на семейные компромиссы – какому супругу понравится, что жена в постоянных разъездах? Семейная жизнь в результате ряда обстоятельств была загублена, но Нани никогда не позволяла себе расслабиться. Она работала, скрывая свои сердечные раны. Только один раз в жизни она прекратила свои выступления на целый год – не могла петь после скоропостижной кончины мамы, которая всегда была для нее опорой и самым надежным другом. Для Нани всегда было

С Вахтангом Кикабидзе

важно мнение мамы об ее исполнении, поскольку калбатони Олико обладала безупречным музыкальным вкусом, и никогда не делала скидок на обстоятельства – Нани всегда должна была быть безукоризненной.

Одним из самых ярких воспоминаний остался для Нани

ее первый творческий вечер в Московском театре эстрады. Ведущим был Мэлор Стурау, который и объявил ее выход. Нани вышла на авансцену, посмотрела в партер и чуть не потеряла дар речи: в зале сидели самые близкие и дорогие ей люди. Оказалось, что родственники и друзья прилетели из Тбилиси на специально зафрахтованном для них самолете. Нани пела старинные русские романсы, подготовленные вместе со своим постоянным аккомпаниатором Медеей Гонглиашвили. Апофеозом вечера стал выход на сцену Ивана Семеновича Козловского, великий тенор преклонил перед Нани колени и поцеловал ей руку. После этого триумфа Медея уговорила Нани давать только сольные концерты. Действительно, они стали готовить сольные программы, и собирают аншлаги по сей день. Правда, в последние годы прославленная певица все чаще появляется на сцене в обществе двух талантливых певиц – дочери Эки Мамаладзе и внучки Натальи Кутателадзе.

Нани осознается, что требовательна к своим девочкам. Кроме того, Нани настаивает на соблюдении выработанного

С Зурабом Соткилава

Поет Нани Брегвадзе

годами семейного девиза благополучия: «Здоровье, порядочность и ум». Иными словами, следует следить за своим здоровьем, не стыдиться своих поступков, а поступать – по уму. И тогда – все у тебя будет.

Увенчанная всевозможными наградами Нани до сих пор боится зрителей. По ее убеждению, если она перестанет трепетать перед выходом на сцену, то перестанет быть артисткой и превратится в статую.

А это совсем не входит в ее планы. Случались ли с Нани курьезы? А как же иначе! В Одессе, выходя за кулисы, она провалилась в люк. На том концерте присутствовал большой друг Нани кинорежиссер Георгий Данелия. «Мне очень понравился момент, когда ты вдруг исчезла со сцены. Прекрасный номер!» – похвалил он певицу после концерта. Нани честно призналась, что упала, испугалась да в придачу сломала каблук.

Во время гастролей Нани часто спрашивали, как давно они женаты с Вахтангом Кикабидзе,

С Юрием Башметом и Анатолием Рухадзе

сколько у них детей. Когда поклонники узнавали, что артисты хорошие друзья и коллеги, то искренне расстраивались. Наконец, несколько лет назад к радости народа Нани и Буба «поженились». Произошло это на съемочной площадке фильма режиссера Резо Гигинеишвили «Любовь с акцентом». Молодые герои ленты видят в батумском ресторане красивую пару, отмечающую золотую свадьбу. Роли юбиляров сыграли Нани Брегвадзе и Вахтанг Кикабидзе.

Нани согласилась на этот эпизод, потому что Резо Гигинеишвили – сын ее подруги, которого она знает с детства. Когда режиссер сказал, что Нани предстоит свадьба с Кикабидзе, она воскликнула: «Слава богу, наконец, выйду замуж за Бубу! Весь Советский Союз хотел, чтобы я была его женой, и не верил, что у меня ничего такого нет с ним, кроме большой любви и дружбы. Хоть в кино пусть увидят, что я вышла за него замуж!»

Трудно поверить, что эффектная, всегда элегантная Нани, словно сошедшая со страниц парижского журнала мод, уже прабабушка. Она не собирается терять форму. Однако никогда не сидит на диетах, не занимается фитнесом. Правда, в молодости под влиянием супруга увлекалась йогой. Не полнеет, потому что не переедает, не любит сладости, не ку-

рит и не употребляет алкоголь. Хотя с удовольствием может выпить бокал киндзмараули или хванчкары.

Свой голос никак специально не поддерживает, просто поет каждый день. «Пение – это мое второе я, моя внутренняя потребность», – утверждает певица.

Чего Нани не любит, так это концерты, похожие на дискотеку, где есть все, кроме музыки. Певица не может понять, почему скачущие под фонограмму полураздетые артисты называют себя вокалистами.

Многие ждут от певицы откровенных мемуаров, интересуются, возьмется ли она за перо? Нани Брегвадзе неизменно отвечает, что никогда не будет выдергивать из своей жизни по ниточке воспоминания и описывать их на потребу читателей. Приукрашать события или быть неискренней ей несвойственно, а вдаваться в откровения для широкой публики она не считает возможным.

Так что мемуаров пока не предвидится.

Все, с чем певица хочет поделиться с другими, она выражает своим пением, отворив для нас «потихоньку калитку» в пьянящий мир романсов. И ключ от этой магической «калитки» Нани надежно хранит в своем сердце.

Резо Габриадзе

«ПУСТЬ СЛЕЗЫ У НАС БУДУТ ТОЛЬКО ОТ ЛУКА»

■ Нино ЦИТЛАНДЗЕ

29 июня 2016 года. Солнечная погода. Самое сердце Старого Тбилиси. Улица Шавтели, 13. Сегодня здесь особенно многолюдно и шумно. Все суетятся, ходят с цветами и подарками в нарядных обертках. Поздравления летят со всего света. Это волшебник отмечает юбилей.

Театры как люди – у каждого своя история. Этот театр не похож ни на один другой. И актеры здесь не актеры, а помощники. А куклы – не куклы, а полноправные актеры.

Первый театр марионеток в грузинской столице был построен в 1981 году. «Мсье Леон Арман Гери говорил, что страна, не имеющая театра марионеток, не может считать себя театральной страной», — по одной из версий, решающим аргументом в пользу будущего дела стали слова выдуманного французского министра культуры.

Накануне праздника Тбилиска городские власти приняли решение передать театру половину здания, подлежащего капитальному ремонту. Вторая половина принадлежала ресторану. Между двумя помещениями оставили дверь и ключ передали хозяину ресторана, полагая, что театр – предприятие временное. Крошечный зал со сценой в пятнадцать метров вмещал не более 45 человек. Нужно было обустроить театр. Все делалось своими силами. Куклы и декорации изготовлялись вручную.

Основал Театр марионеток – Резо Габриадзе. Тот самый, который написал сценарии к фильмам «Чудаки», «Кин-дзадза», «Мимино», «Не горюй!» и подарил питерской Фонтанке Чижика-Пыжика.

Для премьерной постановки был выбран сюжет романа Александра Дюма-сына «Дама с камелиями» и оперы Джузеппе Верди «Травиата». Действие пьесы «Альфред и Виолетта» перенесено в 70-е годы в Тбилиси. Роли озвучивали Рамаз Чхиквадзе (Невермор), Эроси Манджгаладзе (Жермон) и другие. Премьера прошла с аншлагом.

На открытии присутствовали тогдашний секретарь ЦК КП Грузии Эдуард Шеварднадзе, члены правительства, иностранные гости и дипломаты. Одним словом, элита. Спектакль имел ошеломительный успех.

Таким образом театр выжил, а дверь в ресторан заколотили. Несколько лет спустя здесь открывается новая точка общепита – кафе «Габриадзе». Надо ли говорить, что маэстро и здесь все обустроил по-своему.

В 1984 году театр получил статус государственного. Началось строительство большого здания с залом на 100 мест, а вместе с ним и история нынешнего театра.

В 90-е годы Резо Габриадзе много работал за рубежом. В 1996 году во французском Дижоне состоялась премьера одного из самых прославленных спектаклей театра – «Сталинградская битва», который начинался как «Песнь о Волге». Это реквием, посвященный событиям Великой Отечественной войны, названный критиками «элегией вне времени». Огромный успех постановка имела на гастролях в Нью-Йорке в 2010 году. По версии журнала «The New Yorker»,

пьеса Театра Резо Габриадзе стала лучшим представлением 2010 года.

6 ноября 2010 года Театр марионеток отметил свой 30-летний юбилей, открывшись после нескольких лет реконструкции. Подарком городу Тбилиси вместе с восстановленным театром стала сказочная башня с часами, построенная Резо. Послушаем маэстро:

– «Здание моего театра марионеток нестарое. Говорят, вторая половина XIX века. Раньше здесь была скобяная лавка. Как это случилось со мной, я уже не помню, я решил построить перед театром башню. Когда началось строительство, я, будто на машине времени, оказался

Стройка длилась почти два с половиной года. Потом начался монтаж часов. В этом нам помог австрийский мастер Шмидхофер. И вот такое вот здание построено. Мы открывали башню, а вместе с ней – и весь отремонтированный театр... с огромной благодарностью судьбе и благодетелю, давшему нам такую возможность».

И действительно, не заметить башню невозможно. Поначалу недоумеваешь – что это? Нагромождение камня, подпертое шпалой – да. Невесомое сказочное местожительство ангелов и принцесс – да. Эклектический ребус, в котором каждая деталь символ – тоже да. И даже если убрать все цвета, все краски,

значит «Пусть слезы у нас будут только от лука». Вот вход в кафе – с мудреными росписями. И все это рождает один ансамбль, настолько гармоничный, что диву даешься. Как из такого многообразного многоцветия получается не кричащий разнобой (который должен быть), а совершенно приятный и приятный глазу архитектурный комплекс.

За 30 с лишним лет театр облетел весь мир. Он побывал во Франции, Великобритании, США, Шотландии, Швейцарии, Германии, Италии, Австрии, Испании, Норвегии, России. Ему рукоплескали лучшие театральные фестивали.

Неоднократно спектакли Театра марионеток удостоивались самых престижных премий разных стран: премия Руставели, «Золотая маска», «Ника», «Триумф» и многие другие. Для тбилисцев заставить театр дома – большая удача. Сейчас в репертуаре четыре спектакля – «Сталинград», «Осень моей весны», «Рамона» и «Бриллиант маршала де Фантье».

Последний, к слову сказать, восстановили в прошлом году. Пьеса «Бриллиант маршала де Фантье» написана Габриадзе по просьбе театра Руставели как продолжение знаменитой «Ханумы».

Этот театр уникален еще и тем, что здесь до сих пор продолжают работать великие артисты прошлой эпохи – Рамаз Чхиквадзе, Эроси Манджгаладзе, Верико Анджапаридзе. Их голосами говорят персонажи спектаклей.

Надо сказать, что зал, несмотря на внешнюю пестроту, очень скромнен, почти аскетичен. Всего 80 мест. Серо-зеленые стены, такого же цвета мягкие стулья, маленькая черная сцена. На

Рисунок Резо Габриадзе

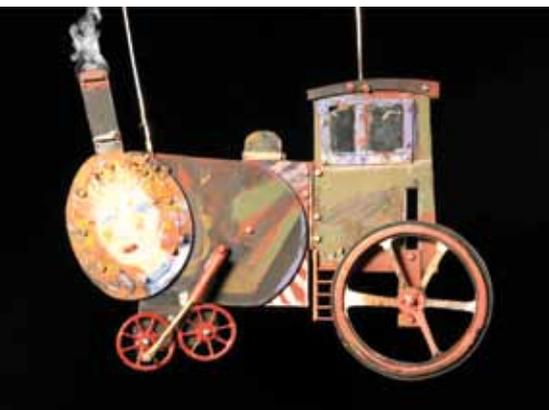
в X-XIII веках, в далекой и прекрасной Византии. Башня должна была органично вписываться в окружающее пространство и время.

Я поставил условие – строить только из известью. Кирпичи б/у мы брали на базаре – от разрушенных, реконструированных домов конца XIX и начала XX века, а камни нам привозили с трех каменоломен. Но серьезная проблема ждала нас еще впереди. Как убедить наших благодетелей отказаться от «болгарки»? Стены из камней, напиленных электропилой, не дышат. Нам привозили именно напиленные камни, и мы ничего не могли придумать лучшего, чем снимать с камней следы пилы и возвращать свойственное камню благородство, богатство цвета, его игру, силу и нежность, текстуру. Пригласили камнетесов. Молотки, зубило, пыль, узелки с обедом – все как положено.

театр не перестает быть праздничным и нарядным, точно подсвеченным изнутри.

Здесь все какое-то игрушечное. Вот вход в театр – лестницы спускаются вниз, точно ведут в сказочное подземелье. Вот касса – жестяная будка с миниатюрным макетом зрительного зала. Вот башня, из которой ежечасно появляется златокрылый ангел и молоточком бьет в колокол. Два раза, в полдень и в семь вечера, можно увидеть удивительное кукольное представление – «Круг жизни». Все куклы, разумеется, сделаны по эскизам Резо. Вот изразцы на башне, их несколько сотен, и все расписаны самим Габриадзе вручную. На крыше театра сидит железная птичка, невесомая – вот-вот взлетит. Вот открытая терраса, где летом так приятно выпить холодный кофе. А на фронтоне того же здания – девиз на латыни – Extra Seram Nihil Cogito Nos Lacrimare, что

сцене происходит невероятное.

Публика – самая изысканная. Ходить к Габриадзе – что в театр, что в кафе – хороший тон. Здесь запросто можно встретить депутатов парламента, банкиров, звезд экрана и медиаперсон. Много иностранцев. Ведь Габриадзе – это такой же бренд, как вино или многоголосие.

В фойе – плакаты и афиши разных лет, на разных языках. Особенность, даже «европейскость» этого театра и в том, что двери закрываются ровно в восемь вечера. Совсем не погрузински, где опаздывать – это нормально.

До начала спектакля в зале раздаётся голос маэстро – «Прошу выключить мобильные телефоны. Зал настолько маленький, что слышно даже дыхание, а не телефон. Спасибо, что пришли к нам в гости. Спасибо, спасибо, спасибо!».

И вот – свет гаснет. «Рамона». История любви двух паровозов.

Действие пьесы разворачивается в послевоенном Союзе, где паровоз Эрмон по долгу службы отправляется в трудное

Марионетки из спектакля «Рамона»

путешествие. Рамона остается ждать мужа на маленькой железнодорожной станции Риони, вспоминая, как мечтали быть счастливыми вместе. Месяц за месяцем, год за годом тянется разлука, принося героям новые испытания. Когда в город заходит бродячий цирк шапито, жизнь маневровой Рамоны меняется навсегда. Эрмон передает ей из дальних краев гудок-наказ – никогда не отказывай тем, для кого ты – последняя надежда. И вот Рамона решает помочь цирку. Его руководители – Бабахиди и Самаркандский уговаривают Рамону довести их до курортного городка Цхалтубо, а затем стать балериной на канате вместо сломавшей ногу Амалии Аномалии. И вот, балансируя на тонком тросе, Рамона видит мужа. Долгожданный Эрмон выпускает на вершине горы условленный пар и бежит навстречу любимой. Но увы – Рамона погибает. Вслед за ней уходит в пустоту Эрмон – ему нет жизни без любимой. И бутафорским

паровозам сочувствуешь, как живым людям.

Спектакль пронизан тонким, ироническим юмором. Невозможно не улыбнуться, когда старый станционный смотритель с грустью рассуждает о превратностях любви, или когда цирковой лев, уставший от голодной жизни, ворует котел с лобиио прямо с поминок. А вот начальник станции Беглар бескомпромиссно сообщает Рамоне о том, что она маневровая, а поэтому 300 метров в одну сторону, 300 в другую – и никакого самовольства.

...Я сижу на балконе. Отсюда мне посчастливилось увидеть не только кукол, но и игру актеров. Выражение их лиц, слаженность движений, по которой можно сверять секундомер. И вправду, не поймешь – кто тут главный – люди или куклы?

Приходите сюда, не пожалейте. Каждый четверг, пятницу, субботу и воскресенье театр распахивает двери. Ведь это театр одного Резо – он здесь отец-основатель, вдохновитель, режиссер-постановщик, автор костюмов, родитель всем куклам, сценограф и музыкальный оформитель. И пусть желает нам маэстро, чтобы мы плакали только от лука, сам-то он знает – в его театре плачут от любви.

ЧТОБЫ НЕ ПОВТОРЯТЬСЯ, НУЖНО МЕНЯТЬ ЖАНРЫ!

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Когда приступала к работе над материалом о грузинском композиторе, народном артисте Грузии Важе Азарашвили, отмечающем в июле 80-летний юбилей, захотелось в очередной раз насладиться его красивыми, волнующими мелодиями, испытать «чувство восторга и упоения», если говорить высоким стилем. И вновь поразила его всеохватности, широте творческих возможностей. Вот что пишут о композиторе слушатели в Интернете, находясь под впечатлением от его Ноктюрна, Ностальгии, Сентиментального танго, Испанской сюиты, Потерянной любви, Песни без слов, многих других сочинений: «Важа Азарашвили – гениальный композитор всех времен!», «величайший мелодист!», «необыкновенная музыка!» Кого может оставить равнодушным его песня «Музыка» – гимн самому возвышенному виду искусства в исполнении Тамары Гвердцители? Или пронизанный глубо-

ким драматизмом Концерт для виолончели с оркестром?

– **Важа Шалвович, когда вы впервые почувствовали, что музыка – ваша судьба?**

– В 1944 году еще шла война. На улице Котэ Марджанишвили, где жила моя семья, по соседству обитала завуч музыкальной школы № 6 Надежда Михайловна Чилова. Она предложила мне учиться игре на скрипке, которую собиралась мне подарить. «Если будешь стараться, то к возвращению отца с фронта научишься играть. И он будет рад!» – уговаривала Надежда Михайловна. Но я-то был убежден, что музыка – это веселье, считал, что не должен развлекаться, когда отец на фронте – тем более, что мы не знали, жив он или нет. В итоге я потерял целый год. Но на второй год Надежда Чилова все-таки заставила меня заниматься. Я играл гаммы, этюды, с упорством овладевал техникой.

Возвращение отца стало

для меня самым счастливым днем. Это случилось в январе 1946 года. Во время школьных каникул я гостил у тети, мама работала. Отец приехал и, не заходя домой, навестил свою двоюродную сестру, а та примчалась к маме и сказала, что получила от Шалвы письмо. Мама чуть с ума не сошла от неожиданно свалившегося счастья, схватила меня за руку, и мы помчались домой. Через какое-то время пришла тетя Гаянэ, и вместо письма появился живой и здоровый отец. Трудно описать, что творилось в нашем дворе, все радовались, мама бросилась к отцу... А я разрыдался.

Когда учился в четвертом классе, то попал в качестве второй скрипки в объединенный оркестр музыкальных школ Тбилиси. Играли Моцарта, Баха... Мне так понравилась эта полифония, что я окончательно решил: «Буду всерьез заниматься музыкой!». А в седьмом классе моим педаго-

Важа Азарашвили

гом по скрипке была красивая, талантливая женщина Эсфирь Горенбург. Она предупредила меня перед поступлением в училище: «Смотри, какой зверь поступает! Если ты дашь слабину, он тебя скушает!» Я вместе со «зверем» – его звали Константин Вардели, ныне знаменитый профессор, первая скрипка и мой друг, получили при поступлении в музыкальное училище № 4 по «пятерке». Уже на втором курсе вместе с будущим композитором Нугзаром Вацадзе пошли к директору Ксении Джикия и сказали, что пишем музыку. Она отнеслась к этому факту очень серьезно и пригласила композитора, преподавателя Александра Васильевича Шаверзашвили – кстати, всегда очень скупого на похвалу. Когда он говорил: «Неплохо!», это было для нас наивысшей оценкой. На третьем году обучения он вдруг сказал нам: «Вам нужно дать концерт в консерватории, по одному отделению каждый!». Признаться, это стало для нас полной неожиданностью, ведь Александр Шаверзашвили, по-

вторяю, никогда нас не хвалил. Малый зал был битком забит. Одно отделение было моим, второе – Вацадзе. Прозвучал мой романс на слова Иосифа Гришашвили, исполненный затем на «бис». Сопрано Эльвира Узунян, которая позднее стала очень известной вокалисткой, вместе с хором спела романс на стихи Илии Чачавадзе. Мне было тогда всего 19.

Еще один интересный момент. Я был на втором курсе консерватории, когда в Союзе композиторов Грузии объявили закрытый конкурс на лучший романс. Выделили всего пять премий, из них три получил я. Эти романсы и сейчас исполняют. На государственном экзамене присутствовал сам великий Дмитрий Шостакович, и он мне поставил 5. Потом я писал музыку, преподавал в училище, консерватории, стал профессором.

– К тому же в течение одиннадцати лет вы были председателем Союза композиторов Грузии.

– На этом поприще пришлось пройти через серьезные испытания. Я ругал прежнее правительство за то, что у нас отняли Боржомский дом композиторов, который мы построили на свои средства – Грузинского музыкального фонда. Мы тогда устроили акцию протеста

у здания Министерства экономического развития Грузии. В тот период я был представлен на Государственную премию имени Шота Руставели, но махнул рукой на это обстоятельство и пошел на конфликт с властью. Конечно, тогда премию мне так и не дали, из консерватории вытурили, а людей старше меня по возрасту оставили... Премию, правда, я все-таки получил, но позже. Сейчас вот сижу дома, много работаю, сочиняю, проводятся мои авторские концерты, я сам исполняю свои вещи...

– Если позволите, вернемся к вашим корням. Музыкальные способности у вас – от родителей?

– Мой отец, окончивший консерваторию и обладавший бас-баритоном, стал инженером, но продолжал петь в народном хоре песни и пляски, выступал на Декаде грузинского искусства и литературы в Москве. Дядя по материнской линии тоже пел в хоре. Гурийский дед со стороны мамы на чонгури играл и исполнял народные песни. Когда мы собирались на праздники, народные песни пели все время. Так что я был в постоянном контакте с народной музыкой, это у меня в крови! Пишу подлинно грузинскую музыку. Мою музыку. Основа – народная, но это – мое. Ста-

Важа Азарашвили и Государственный квартет Грузии. Тбилиси. 1990

На концерте Важи Азарашвили. Тбилиси. 1986

раюсь быть и национальным, и интернациональным, и современным, стремлюсь говорить в музыке на своем, оригинальном языке, сохранять индивидуальность.

– **Расскажите, пожалуйста, как создавался ваш единственный балет «Хевисбери»?**

– Много лет назад я написал балет «Хевисбери», в двух актах, по рассказу А. Казбеги «Хевисбери Гоча». Его поставили в Кутаиси в 1982 году. Председателем оперной и балетной секции был тогда Сулхан Цинцадзе, и когда он услышал и увидел одну из балетных сцен – эпизод объяснения влюбленных, то посоветовал расширить его. Что я и сделал. А Александр Шаверзашвили сказал, что «слышит» хор в моем балете – я согласился с его мнением и в четырех местах ввел хор. Когда Хевисбери Гоча убивает своего сына, на галерке в исполнении хора звучит трагическая тема. Без слов.

Между прочим, сначала я отказался от предложения написать балет, считал, что еще не готов, но позднее изменил свое решение: за год я хорошо изучил балетный жанр, и мы стали работать вместе с замечательным хореографом Бекаром Монавардисашвили, учеником Вахтанга Чабукиани. Сначала он был танцовщиком,

а позднее окончил у Чабукиани балетмейстерское отделение... А вообще я довольно много работал для музыкального театра – писал оперетты. Все мои семь оперетт поставлены. Кстати, меня всегда корили товарищи-певцы за то, что я не пишу опер..

– **Важа Шалвович, а почему при всей широте вашего творческого диапазона вы не написали на сегодняшний день ни одной оперы?**

– Так сложилось. Считаю, что ко мне должны были обратиться с предложением, заказать, иначе просто невозможно! Зато у меня целых восемь вокальных циклов. Три романса на стихи Федора Тютчева, в которых слышны русские интонации, «Восточные строфы Низами Гянджеви» с осязательным ориентальным колоритом, а также циклы на стихи Анны Каландадзе, Мориса Поцхишвили, Шота Нишнианидзе, Иосифа Гришашвили.

– **Ваш любимый жанр, как мы знаем, не только вокальная, но и инструментальная музыка?**

– Я же скрипач по первой профессии. Исполняемый во многих странах мира Концерт для виолончели с оркестром сперва играл Эльдар Исакадзе, причем делал это просто феноменально! Кроме того, в Германии его постоянно ис-

полняет прекрасный музыкант Максимилиан Хомунг, во многих странах это сочинение звучит в трактовке грузино-французского виолончелиста Георгия Харадзе. Много исполняют и Концерт для альты с оркестром.

– **Ваш замечательный виолончельный концерт поражает своим трагическим звучанием, глубиной переживания.**

– Всегда считал, что виолончель может прекрасно передать душевное состояние человека. Я посвятил это сочинение памяти своего отца и отдал Эльдару Исакадзе, потому что знал, как он замечательно сыграет, как тонко передаст невыразимое словами. Особенно концовку, где звучит прощание, оплакивание. Кстати, в Петербурге этот концерт десять раз сыграл патриарх виолончельной школы, человек, воспитавший целую плеяду блистательных музыкантов, исключительный интерпретатор лучших образцов классической музыки и выдающийся педагог Анатолий Никитин. На мой взгляд, виолончель – душевность, а скрипка – виртуозность. А мой альтовый концерт – это, скорее, речитатив, он написан более современным языком, чем виолончельный. Композиторам больше нравится мой альтовый концерт, а широкой публике – виолончельный. Около десяти лет назад я сочинил квинтет для фортепиано и струнного квартета. Его с большим успехом играли на фестивале в Петербурге, а вот в Тбилиси еще не исполняли. Кстати, в России часто исполняют мои произведения: Ноктюрн, Испанскую сюиту, Ностальгию, Сонату для кларнета и фортепиано. Сочинения грузинских авторов для фортепиано напечатаны во многих сборниках... Помню чудесный концерт в Ярославле. Гимн Грузии и сочинения грузинских авторов прозвучали в исполнении местного оркестра. Принимали великолепно! Наш представитель хотел продолжить эти выступления в других

Ш.Милорава, Г.Цабадзе, А.Шаверзашвили и В.Азарашвили. Боржоми. 1986

городах России, но, увы, двусторонние отношения резко испортились. Однако в 2014 году в Дубне состоялся мой авторский вечер.

– **Важа Шалвович, сложнее всего – найти свой индивидуальный стиль, к чему вы всегда стремились. Как это произошло у вас?**

– Все шло естественным путем, постепенно, ведь все собирается потихоньку. Поступал в аспирантуру и написал Сонату для скрипки и фортепиано. Единственный получил за нее премию. Но я почувствовал, что стилистически это мне не совсем близко, что налицо эклектизм. Когда слушаешь свои сочинения, то анализируешь какие-то вещи, в итоге я пришел к осознанию того, что язык музыки должен быть единым, цельным и вместе с тем контрастным. А в моей Сонате для скрипки и фортепиано есть ненужная пестрота. Хотя это произведение играли во многих республиках СССР. А вот в других сочинениях я нашел себя. Опыт, годы... Могу сказать, что коллеги, если иногда и относились к моим работам критически, то, как правило, выражали это очень по-доброму, благожелательно. Когда я стал работать в филармонии, композитор Георгий Цабадзе сказал: «Молодец, что пришел, ты талантливый парень!» И всегда поддерживал меня. Как и

композитор Отар Тевдорадзе. Когда мы были в Москве, он спросил меня: «Ноты у тебя с собой? Дай мне их, я иду в издательство!» И сказал обо мне издателям: «Это молодой и очень талантливый композитор. Я оставляю вам его ноты и очень прошу обратить на него внимание!» В итоге в Москве я опубликовал немало сочинений в издательствах Союза композиторов и «Музыка».

– **Важа Шалвович, каковы ваши музыкальные предпочтения, определившие вкусы композитора Азарашвили? У кого вы учились?**

– Я очень люблю грузинские народные песни. А также сочинения композиторов Захария Палиашвили, Сергея Прокофьева, Дмитрия Шостаковича, Сергея Рахманинова, Игоря Стравинского. Нравятся некоторые произведения наших грузинских авторов – например, скрипичный концерт Алекси Мачавариани, опера «Миндиа» Отара Тактакишвили, великолепные квартеты Сулхана Цинцадзе... Я считаю, что в XX веке самые лучшие квартеты сочинили Белла Барток, Дмитрий Шостакович и Сулхан Цинцадзе. Последнему было 24 года, когда его наградили Сталинской премией за квартет № 2 и Три миниатюры для струнного квартета «Лале», «Инди-Минди», «Сачидао». Ценю композиторов Сулхана Насид-

зе, Бидзину Квернадзе, Гио Канчели... Несколько уроков после кончины моего педагога композитора Ионы Туския мне дал композитор Андрей Балачивадзе. У него была своя система, которую я не воспринимал. Но я очень благодарен Александру Шаверзашвили. Он заложил во мне великолепный фундамент, научил меня, прежде всего, технике.

Великий теоретик, философ Гиви Орджоникидзе сказал мне однажды: «У тебя есть мелодический дар, не теряй его!» А я всегда хотел, чтобы моя музыка была и мелодически интересной, и современной. При этом, как я уже говорил, всю жизнь стремился сохранять верность своему однажды найденному стилю. Себя я нашел, это точно. И многие удивляются, что песню «Музыка», которую блестяще исполняет Тамара Гвердцители, шлягер «Динамо» и в то же время самый сложный, насыщенный философскими размышлениями альтернативный концерт написал один и тот же человек.

– **Это действительно совершенно разные полюсы!**

– Чтобы не повторяться, нужно менять жанры. Сегодня написал песню, завтра – камерную музыку, а послезавтра – вокальный цикл, оперетту, музыку для кино – я написал музыку для картин «Осеннее солнце», «Дело Тариэла Мклавадзе», «Хатуна», «Да здравствует грузинский футбол», телефильма «Я сам». В 1963 году я сочинил музыкальное оформление для спектакля театра А.С. Грибоедова «Обыкновенное чудо» Е.Шварца. Это была дипломная работа режиссера Наны Деметрашвили. А художником был тогдашний студент Мураз Мурванидзе. Я сам в тот период учился в аспирантуре, и это был мой первый театральный опыт. В спектакле звучал «Вальс воспоминаний», я его взял, переработал, и он сейчас исполняется отдельно. Позднее я сочинил для театра музкомедии оперетту по пьесе Лопе де

Вега «Учитель танцев», а на основе ее – сюиту для двух фортепиано. Для русского ТЮЗа я написал музыку к спектаклю «Слуга двух господ»...

Вспоминаю, как в 1973 году на Сахалине проходила Декада грузинской музыки. Я тоже принимал в ней участие, вел программу, как музыковед. Нас пригласили охотники – снег, валенки, меха: песец, чернобурка... В избе огонь горит, варится оленья мясо. С нами еще была певица Татьяна Малышева. Все было настолько неожиданно и красиво, что я сочинил под сильными впечатлениями русско-цыганскую песню «Ты в сердце моем». Местный поэт Юрий Николаев, сахалинец, написал текст. Певец Мераб Донадзе прекрасно исполнил эту песню и потом все время включал ее в свою программу, она всегда очень хорошо принималась публикой...

– А как родилась любимая всеми песня «Динамо», признанная гимном грузинского футбола?

– Я давний футбольный болельщик. У меня собралась огромная литература по футболу. Соседи подарили мне альбом с вырезками из периодики, посвященной этому виду спорта, а потом я и сам стал собирать публикации. В 1976 году, когда наши футболисты впервые завоевали Кубок Советского Союза – выиграли у ереванского «Арарата», я не спал всю ночь и на другой день написал мелодию будущей песни, слова к которой сочинил Морис Поцхишвили. Страна узнала о песне «Динамо, Динамо» после того, как ее исполнил ансамбль «Иверия» под руководством Александра Басилая. Потом грузинские динамовцы были в Сухуми, в нашем доме. А главное, я был в Дюссельдорфе, когда команда «Динамо» завоевала Кубок обладателей кубков Европы, обыграв в финале восточногерманский клуб из Йены «Карл Цейсс» со счетом 2:1.

– Как быстро вы работаете?

– Когда как. В последние годы я издал многие свои сочинения. Это непростой процесс: нужно все время контролировать, чтобы не проскочили ошибки. На это уходит много сил. И в этот период я не сочинял. А сейчас написал для фортепиано сочинение о старом Тбилиси, а для скрипки и оркестра – «Звуки старого Тбилиси».

– Наверняка в вашей творческой копилке есть сочинения, которые никогда не исполнялись.

– Конечно. Третья симфония, например. Почему-то в Грузии редко исполняют грузинских авторов. Увы, сочинения грузинских композиторов больше играют за границей, чем на родине. Это неуважение к собственным талантам. Армяне, кстати, этого никогда не делают по отношению к своим деятелям культуры. Они своих очень любят и всячески поддерживают. Обидно, ведь и у нас есть замечательные авторы и отличные сочинения... Кстати, хочу вспомнить одну историю, связанную с Арменией. Однажды я получил письмо из Еревана, в нем сообщалось о концерте, который должен был пройти в новом камерном зале. Предполагалось, что прозвучит и моя Соната для двух скрипок и фортепиано...

В рабочем кабинете

Я решил сделать переложение Ноктюрна для двух скрипок и отправил партитуру в Ереван. Но впереди ожидали приключения. Перед отправлением самолета Батуми-Ереван начался проливной дождь. Концерт должен был начаться в 8 часов вечера, а мы в половине 8 еще сидели в аэропорту из-за нелетной погоды. Без четверти 8 самолет наконец взлетел, по прибытии в Ереван я сразу поймал такси и назвал адрес: новый камерный зал, но водитель и понятия не имел, где это находится. В итоге крутились полчаса, с трудом разыскали. Захожу. Первое отделение уже закончилось. Ко мне подходит женщина в очках: «Вы случайно не композитор из Грузии? Через пять минут играем ваше сочинение – ноктюрн!» Нарочно не придумаешь, подоспел точь-в-точь... С тех пор ереванцы все время играют мой ноктюрн. У нас с армянами большая дружба.

– Каждое ваше сочинение рождается из какого-то жизненного впечатления, импульса? А если приходится писать по заказу?

– Как я уже рассказывал, «Динамо» я написал под впечатлением. Текста еще тогда не было... Но случается и наоборот – есть стихи и нужно написать музыку. Так появилась знаменитая «Музыка». Слова принадлежат Морису Поцхиш-

С Нани Брегвадзе

вили. Он говорил, что песня не получится. Но я все-таки написал, и, по-моему, неплохая родилась песня. Словом, бывает по-разному. Однажды мы были в поездке с друзьями, в гостях. Хозяин исполнял старинные тбилисские песни. Песню под названием «Песня – все мое богатство» я написал в машине. Ее прекрасно исполнила Нани Брегвадзе. А однажды написал песню на 50-летие города Рустави, по заказу. Оперетты – это тоже заказ. Профессионал должен уметь работать и по вдохновению, и по заказу.

– Была у вас такая оперетта – «Кахетинцы на БАМе»... Разумеется, заказ?

– Билетов на нее было не достать. В основе этой оперетты – кахетинские хохмы... Оперетта «Соломон Исакич Меджгануашвили» по роману Лаврентия Ардазиани тоже была успешной: 18 аншлагов! Музыка основана на городском фольклоре. «Соломон Исакич Меджгануашвили» – история простака, который стал миллионером, но остался таким же простаком. В марджановском театре ее поставил выдающийся режиссер Вахтанг Таблиашвили.

– Первой вашей опереттой был «Девятый вал». Название интригующее. О чем она?

– О революции. Помню, как в Тбилиси приехал главный режиссер Московского театра оперетты Георгий Павлович

Ансимов и остался очень доволен музыкой, сказал, что нужно обязательно везти спектакль на гастроли. А Гига Лордкипанидзе поставил мой мюзикл «Сапожник Габо». Почему-то сегодня наша национальная оперетта не в чести, не востребована... У меня большой опыт работы для музыкального театра, но сегодня это никому не интересно. И это очень обидно. Уже несколько десятилетий фактически нет грузинской оперы, балета. И всем наплевать. Министерство культуры молчит. Зато вкладываются огромные деньги на приглашение иностранцев. Почему не направлять эти средства на развитие грузинской музыки? Нам говорят, что мы не пишем песен. Но фонограмма, студия стоят очень дорого, поэтому мы лишены возможности писать песни для современных исполнителей.

– Вами очень много написано. Но, конечно, есть среди ваших сочинений вещи, которыми вы особенно дорожите?

– Я не влюблен в свои работы. Однако выделяю два уже названных камерных концерта, Сонату для двух скрипок и фортепиано, Ноктюрн – в двух вариантах, в разном составе, танго из кинофильма.

– Уже исключаете, что напишете-таки оперу?

– Не исключаю. Пока что я жив-здоров, энергии хоть от-

бавляй. Если закажут, с удовольствием. Может быть, сбудется предсказание Ионы Туския? Когда в период учебы в консерватории я написал романсы, он сказал: «Ты напишешь оперу!» Почувствовал, что смогу. Кстати, когда я работаю над вокальным сочинением, то всегда напеваю. Поэтому певцам легко исполнять мои опусы...

– Не жалеете, что как исполнитель вы недостаточно реализовались?

– Нет, абсолютно не жалею. Но мой исполнительский опыт мне пригодился. Я очень хорошо знаю скрипку. Когда пишешь, например, аккорды для виолончельного концерта, нужно знать пальцевую технику. Иначе исполнитель просто не сможет взять аккорд, справиться с партитурой. Надо так распределить пальцы, чтобы это стало возможно. А для этого необходимо знание техники.

– Рядом с вами вот уже 45 лет прекрасная женщина, талантливая поэтесса Манана Дангадзе.

– Нашему союзу положили начало отношения учителя и ученицы: я должен был подготовить юную Манану к поступлению в консерваторию. А первая встреча с будущей женой произошла в кругу родственников... Манана сразу произвела на меня сильное впечатление. На сегодняшний день она интересный поэт, выпустила несколько сборников. С ней сотрудничают самые известные композиторы: Нуну Дугашвили, Марика Квалиашвили, Русудан Себискверадзе, Георгий Члаидзе, Важа Дурглишвили, Мераб Мерабишвили написали песни на ее стихи. Я тоже в их числе: к примеру, сочинил камерный вокальный цикл «Если бы тебя не было у меня» для баса на стихи Мананы, его исполняет известный певец Леги Имедашвили. А за фортепиано – наша дочь Натиа Азарашвили.

На этой улице Елена Блаватская жила в Тифлисе

«Я трогаю старые стены...» Тифлис: удивительные встречи

■ Владимир ГОЛОВИН

Этого здания сегодня уже нет на улице, взбирающейся от проспекта Руставели к подножью горы Мтацминда. Но в первой половине позапрошлого века улица, называвшаяся Вадзевской, славилась на весь Тифлис именно им – домом князя Александра Чавчавадзе. В мае 1847-го, через восемь месяцев после того, как поэт-романтик, генерал-лейтенант, государственный деятель погиб, зацепившись полами шинели за колесо коляски с испугавшимися лошадьми, по комнатам этого роскошного дома впервые прошла пятнадцатилетняя девочка Лена. Она же – Леля, она же – Лоло, она же – Лолоша. Синеглазая мечтательница-фантазерка, довольно взбалмошная, абсолютно чуждая «приличных манер». К роду Чавчавадзе она никакого отношения не имеет.

Огромный дом куплен у вдовы князя дедом девочки, бывшим Саратовским губернатором Андреем Фадеевым, ставшим в Тифлисе членом Совета Главного управления Кавказского наместника и управляющим экспедицией государственных имуществ Закавказского края. В том же доме через пару лет появится на свет двоюродный брат девочки – Сережа. Ему предстоит стать выдающимся государственным деятелем-реформатором, главой Совета министров Российской Империи Сергеем Витте. А уроженка Екатеринослава (нынешнего Днепропетровска) Леля Ган станет в Тифлисе Еленой Блаватской, чтобы войти в историю не только русской, но и всей мировой культуры как религиозный философ и оккультист, литератор и публицист, путешественница и основательница современного теософического

Леночка Ган

Сергей Витте

го движения.

После такого перечисления терминов не обойтись без двух напоминаний. Оккультизм (от латинского «скрытый», «тайный») — название всех учений, считающих, что в природе и в человеке существуют скрытые, неизвестные науке силы и явления, познать которые дано лишь людям «посвященным», с «особыми способностями». А теософия (по-латински «божественная мудрость») рассматривает все существующие религии как изложения различных точек зрения на одну и ту же истину: какой образ жизни нужно вести человеку, какие качества он должен в себе развивать, с какими пороками бороться. Девиз Теософического Общества, основанного Блаватской в Нью-Йорке в 1875 году вместе с полковником Генри Олкоттом и юристом-писателем Уильямом Джаджем, таков: «Нет религии выше истины». В уставе этого общества указаны три цели: основать ядро всемирного братства без различия расы, веры, пола, касты и т. п., поощрять сравнительное изучение религий, философии и наук, исследовать необъясненные законы природы и скрытые силы человека.

Так что легко понять, почему и в позапрошлом, и в прошлом, и в нынешнем веках отношение к «мадам Блаватской» весьма и весьма различное. Очень часто — отрицательное, особенно с материалистической точки зрения. Елену Петровну называют «совершенной, остроумной и интересной обманщицей», «одной из самых искусных и интересных

мошенниц», талантливой авантюристкой. Лев Толстой так отзывался о ее творчестве: «Книги известные. В них много хорошего, нехорошо только то, что они говорят о том, чего не дано знать человеку». Да и сама она как-то призналась писателю Всеволоду Соловьеву: «Что ж делать, когда для того, чтобы владеть людьми, необходимо их обманывать, когда для того, чтобы их увлечь и заставить гнаться за чем бы то ни было, нужно им обещать и показывать игрушки... Вот вы так «не удовлетворены» моими феноменами, а знаете ли, что почти всегда, чем проще, глупее и грубее феномен, тем он вернее удастся. Если бы знали вы, какие львы и орлы, во всех странах света, под мою свистульку превращались в ослов и, стоило мне засвистеть, послушно хлопали мне в такт огромными ушами!..»

Но при этом ведь есть и совершенно иные высказывания. Послушаем лишь некоторые из них. Крупнейший русский деятель культуры Николай Рерих: «Чрезвычайно приятно видеть, что... имя Елены Петровны Блаватской, нашей великой соотечественницы, почитается так высоко, как истинной основоположницы провозвестия. Частенько русские забывали о своих великих деятелях, и пора нам научиться ценить истинные сокровища...». Знаменитый английский писатель Герберт Уэллс: «Меня всегда поражали феномены, совершаемые Магометом, йогоми и госпожой Блаватской... Здесь мы сопри-

касаемся с законом, более глубинным, чем общеизвестные законы природы». Выдающийся индийский политический и общественный деятель Махатма Ганди: «Для меня было бы радостью коснуться края одежды госпожи Блаватской». Живописец Василий Кандинский: «Е.П. Блаватская, пожалуй, первая, после долголетнего пребывания в Индии, установила крепкую связь между этими «дикарями» и нашей культурой. Этим было положено начало одного из величайших духовных движений, которое объединяет... большое число людей в «Теософском Обществе».

К этому можно добавить, что у Блаватской была масса друзей в научном мире. Достаточно назвать изобретателя электролампы накаливания и фонографа Томаса Эдисона, ведущего химика и физика XIX века Уильяма Крукса, знаменитого французского астронома Камиля Фламариона, философа, одного из отцов современной психологии Уильяма Джеймса, создателя трамвая на канатной тяге и... бейсбола Эбнера Даблдея, завещавшего Теософическому Обществу свою уникальную библиотеку...

Впрочем, разбору того, чем занималась Елена Блаватская, место в совсем ином издании. А мы посмотрим, что связывает с Грузией эту неординарную женщину. Ведь именно отсюда она отправилась по миру в полный приключений путь — и к славе, и к гонениям. Сюда возвращалась передохнуть от дальних стран-

Дедушка и бабушка Елены Блаватской

Мать Елены Блаватской

ствий. А на ее учении о создании единой, всеобщей религии, не могли не сказаться отроческие впечатления о Тифлисе, в котором испокон веков жили по соседству в мире и согласии люди многих вероисповеданий и национальностей.

Между тем и в самой Леночке смешалась аристократическая кровь нескольких, частенько враждовавших народов – французов, немцев и русских. Отец – Петр Ган происходил от германских рыцарей и владельцев мекленбургских князей. Среди его родственников была известная на всю Европу не менее, чем Жорж Санд, писательница-графиня Ида Ган-Ган. Прабабушка со стороны матери – Генриетта Бандре дю Плесси была внучкой гугенота, эмигрировавшего из Франции, вышла замуж за именитого русского князя Павла Долгорукова... А потом во всех генеалогических ветвях этого рода стали появляться многочисленные Елены. На этих страницах к Тифлису имеют отношение три из них. Будем называть их по старшинству.

Итак, знакомьтесь. Елена-старшая, урожденная княжна Долгорукова, любимая бабушка Блаватской, жена высоко-

поставленного чиновника Фадеева, поселившегося в доме Чавчавадзе. Она свободно говорила на пяти языках, разбиралась в истории и археологии, естественных науках и нумизматике, переписывалась с самим Александром Гумбольдтом. Ее рисунки о флоре и древностях Кавказа и Грузии составили семьдесят (!) томов. Она передала своей внучке не только энциклопедические знания, но и дар художницы. А музыкальными способностями наградила ее так, что во время своих странствий Блаватская концертировала в Италии, Париже, Лондоне, была даже хормейстером. Как уважали Елену-старшую в Тифлисе! «Невзирая на то, что сама ни у кого не бывала, весь город являлся к ней на поклон», – говорила о ней Мария Ермолова, жена тифлисского губернатора Петра Ермолова. А это – воспоминание Блаватской: «Она была каким-то многосторонним колоссом знаний и практической благотворительности». Похоронили ее в ограде тифлисской церкви Вознесения, впоследствии уничтоженной большевиками. На могиле ее стоял крест с надписью золотыми буквами: «Паче всего стяжала любовь, яко любовь есть союз совершенства».

Елена-средняя, ее дочь, мать будущей знаменитости. Кочуя с мужем-артиллеристом, могла бы превратиться в серую гарнизонную даму, но стала писательницей под псевдонимом «Зенеида Р-ва». Встречалась с Пушкиным и Лермонтовым, читала литературу на пяти языках, утверждала, что «музыка лучшее утешение в этой жизни после религии». И писала так, что скупой на похвалу Виссарион Белинский назвал ее «русской Жорж-Санд», «автором многих превосходных повестей» и утверждал, что «ни одна из русских писательниц не обладала такою силою мысли, таким тактом действительности, таким замечательным талантом», как она. Сама же она смотрела на свое творчество так: «Какими бы то ни было жертвами, хочу, чтобы дети мои были хорошо, фундаментально образованны. А средств, кроме пера моего, у меня нет!» Увы, жертву дей-

ствительно пришлось принести – умерла она очень рано, в 28 лет, среди нескольких причин кончины был и напряженный литературный труд. Перед смертью она сказала пророческие слова о дочери Леле: «Я совершенно уверена, что доля ее будет не женской и в жизни ей суждено много страдать».

После ее смерти обожавшая мать Елена-младшая вместе с братом и сестрой живет у бабушки и дедушки Фадеевых в Саратове, получает солидное домашнее образование, больше всего времени проводит в обширной бабушкиной библиотеке. Там-то и начинает читать запоем книги по средневековому оккультизму. А через некоторое время после того, как Фадеевы переселяются в Тифлис, отправляется вслед за ними. Там ее воспитанием занимается и сестра матери Екатерина с мужем Юлием Витте (родители будущего российского премьер-реформатора).

«В то время не только в старом городе, но и в европейских кварталах большинство крыш были плоские, с земляными террасами, по которым можно было гулять и смотреть в чужие дворы и на улицы. С крыши и галерей нашей первой квартиры были видны все окрестные сады и здания, тонувшие тогда в

Вера Желиховская

Воображаемый портрет Махатмы Мориа

виноградниках..., – вспоминала ее младшая сестра Вера, тоже ставшая известной писательницей под фамилией мужа Желиховская. Описывает она и дом, в который затем ненадолго переселится семья: «...Только что оконченный великолепный и громадный дом, построенный словно крепость за высокими стенами двора, со всевозможными службами, в середине которого был распланирован садик, еще не дававший тени, но полный цветов. Богатый купец-армянин Сумбатов, его хозяин, отстроил его, ничего не жалея, во вкусе полуазиатском, с лепными украшениями, цветными стеклами, с круглым балконом и хорами в огромной овальной зале».

Но, по утверждению Веры, «князь Воронцов попросил уступить дом Сумбатова бежавшему в Тифлис из Персии дяде тогдашнего персидского шаха». И вот тогда-то Фадеевы переселились в дом Чавчавадзе. «Большое строение это имело чудесный, таинственный вид... В длинном, высоком и мрачном холле висели семейные портреты Фадеева и князя Долгорукова, стены были покрыты гобеленами (подарок Екатерины II). Недалеко от этого холла находились апартаменты... Это был один из самых замечательных частных музеев. Там были собраны гербы и оружие со всех стран света, старинная посуда, китайские

и японские статуи богов, византийская мозаика, персидские и турецкие ковры, картины, портреты и очень редкая и большая библиотека...», – свидетельствует генерал П.Николаев. А Вера Желиховская добавляет: «Великолепное сооружение в самом центре нового города, занимающее с флигелями чуть ли не целый квартал. Различные части... соединялись между собой галереей, мостиками и лестницами. Посреди обширного двора находились бассейн и розарий. Особой гордостью была зала с зеркальными окнами в два просвета – по тем временам великая редкость. Расписной потолок, позолоченные перила лестниц, великолепные вазы и статуи в просторной прихожей, на лестничных площадках и в больших комнатах украшали этот дом. В гостиной поражали своеобразные обои, на которых были изображены картины на мифологические сюжеты. Говорили, что эти обои подарил князю Чавчавадзе кто-то из царской семьи».

Вот в какой замечательной обстановке живет Леля. Но Тифлис сразу же покоряет ее совсем другим – искренностью общения, гостеприимством, радушием, театрализованными застольями, живописными окрестностями. Она в восхищении от базаров, храмовых праздников, народных игрищ. В быту это весьма необычная девочка. Для одних – вздорная и непокорная, для других – фантазерка со странными видениями. Вся природа для нее одушевлена. Она утверждает, что слышит голос каждой вещи, потому что та имеет сознание и скрытые силы, невидимые «непосвященным». Что птицы и животные передают ей рассказы из своей жизни. Что в сказках много правды, так как принимать любой вид и летать могут особые, мудрые люди, которые существуют во все времена, но являются лишь тем, кто верит в них и не смеется над ними. Еще в саратовском имении, на песчаной площадке с окаменевшими останками рыб и ракушек, она впечатляюще рассказывала, как это место когда-то было древним дном моря или озера, рисовала на песке давно вымерших морских животных, растения. И слушающие не

могли не поверить ей. «Где она могла услышать про перевоплощение? Кто ей в нашей православной семье мог рассказать о переселении душ?», – недоумевала ее сестра Вера.

За пару лет до того, как Лена приехала в Тифлис, с ней произошел случай, почти повторяющийся... страшное происшествие с князем Чавчавадзе, в доме которого она поселилась. Лошадь, испугавшись, выбросила ее из седла, и девочка повисла, запутавшись в стремях. Но не упала и не ударилась головой – пока лошадь не остановили, она чувствовала, как кто-то поддерживает ее тело. Она говорила, что знает этого «кого-то» с детства столь же хорошо, как и родителей, называла его своим Хранителем, всегда спасавшим ее во всех несчастьях. Увы, у князя Чавчавадзе такого Хранителя не было...

А Блаватская утверждала, что в 1851 году встретила его уже во плоти, в Лондоне – высокого индийского вельможу. Он сделал ей знак не приближаться, а когда на следующий день она пришла в Гайд-парк, чтобы побыть в одиночестве, подошел

Елена Блаватская по возвращении в Тифлис. 1860-е гг.

и сообщил, что хотел встретиться лично — ей надо основать Теософическое Общество и провести три года в Тибете, чтобы подготовиться к столь важному делу. Звали его Махатма (Учитель) Мориа. Он рассказал и о трудностях, которые она должна будет преодолеть... Надо сказать, что современная историческая наука не считает, что есть достаточно доказательств существования этого человека, одного из «Учителей Мудрости». Но встречи с ним и его внешность детально описывают многие теософы.

В общем, как говорится, хотите — верьте, хотите — нет. Как впрочем, и тому, как Блаватская в юности относилась к светской жизни Тифлиса. По словам ее сестры Веры, она не могла существовать без праздничных, шумных собраний, уже с первых дней приезда упрашивала бабушку и тетю взять ее с собой на многочисленные визиты в гости, отнюдь не чуралась праздничной атмосферы, почти всегда царившей в доме на Вадзевской. «Это был ее первый большой настоящий бал. Она мне показалась — да и в самом деле была — чудо какой хорошенькой!..», — писала Желиховская о Елене на новогоднем балу 1848 года у тифлисского губернатора.

Сама же Елена Петровна, с годами, рассказывала абсолютно противоположное. Что не ходила на балы, так как негоже девушке появляться перед чужими людьми в глубоком декольте, «почти голой». И что, если бы в юности какой-нибудь молодой человек посмел заговорить с ней о любви, она попросту застрелила бы его, «как бешеную собаку». Факты, как мы увидим, противоречат этому. Но вспомним: «Для того, чтобы владеть людьми,

Елена Блаватская в Лондоне. 1877

необходимо их обманывать». Наверное, солидность основательницы теософии, познававшей истину у аскетичных мудрецов Индии, никак не соответствовала образу девушки, стремившейся к великосветским развлечениям.

На деле же у юной Лолочки и в мыслях не было стрелять, например, в молодого офицера Константина фон-Кауфмана, в будущем — генерал-адъютанта, присоединившего к России значительную часть Центральной Азии. О нем она вспоминала: «...Мой бедный невинный красносносый друг Константин Петрович! Я не видела с ним с 1848 года; тогда в Абаз-Тумане он имел обыкновение попусту объясняться мне в любви, восседая на куче картошки с морковью». Не был пристрелен ею и адъютант наместника Кавказа Михаила Воронцова Александр Дондуков-Корсаков, которому предстояло стать генералом от кавалерии, героем Кавказских и Крымской войн, российским комиссаром в Болгарии. Сама она позже называла его «местным Дон-Жуаном и греховодником», так, что он вел с ней явно не философские беседы.

Другое дело — родственник царского наместника князь Александр Голицын. Жена тифлисского губернатора Мария Ермолова утверждает, что молодой князь «часто бывал у Фадеевых и сильно интересовался оригинальной молодой девушкой». По Тифлису ходили слухи, что он «не то масон, не то маг или прорицатель». Он знакомится с Еленой у ее дедушки, а на том самом «ее первом большом настоящем балу» они долго танцуют... И Лоло не только по девически «на минутку» влюбляется в светского красавца. У них оказывается много общих тем для разговоров. Об оккультизме, тайнах Атлантиды, ясновидении, загадочных индусских мудрецах, египетских коптах... Спустя годы, в 1874-м, Блаватская вдруг завела, что даже была обручена с князем Александром. Если это и правда, то обручение было тайным, так как князь уехал, и они больше не виделись. А обручается она с совсем другим человеком.

Зовут его Никифор Блаватский, он — чиновник по особым поручениям при тифлисском губернаторе, а перед самой свадьбой с «неуправляемой» Леночкой Ган становится вице-губернатором Эриванской губернии. Прямо скажем, невероятная карьера! В истории этого брака, потрясшего весь Тифлис, тоже есть расхождения. «Знаете, почему я вышла за старика Блаватского? — писала Елена Петровна однажды. — Да потому, что в то время, когда все молодые люди смеялись над «магическими» предрассудками, он в эти предрассудки верил! Он так часто говорил мне о эриванских колдунах, о тайных науках курдов и персов, что я решила использовать его как ключ к этим знаниям». Но есть и ее же слова о том, что в этом замужестве виноваты ее родные: «Теперь они говорят, что я сама хотела выйти замуж за это старое чучело... Дело обстояло так, что если бы я хотя бы одной фразой напомнила о своих многочисленных просьбах не выдавать меня замуж за старого Блаватского, то это вызвало бы протест со стороны моих родных...»

Биографы же и друзья Блаватской, проанализировав многие факты, считают, что сделать импульсивный шаг к тифлисскому замужеству ее побуди-

ли несколько обстоятельств. Это и шок после отъезда князя Голицына, и слова гувернантки-француженки о том, что из-за своего невыносимого характера барышня останется старой девой, и рутина домашних занятий, и назойливая опека родных. А еще – встреча с Ниной Чавчавадзе, после которой Леночка и обратила внимание на Блаватского, ненадолго уехавшего в Персию, где погиб Грибоедов. Ну, а в Тифлисе, где и по сегодняшний день все знают обо всем, упорно поговаривали, что со скоропалительной свадьбой «подсутились» Воронцовы – дабы своенравная девушка не смогла стать женой их родственника Голицына. Этим-то, мол, и объясняется неожиданно высокое назначение кандидата в женихи Блаватского.

Как бы то ни было, в селении Джелал-Оглы (Каменке), недалеко от места, где стоял грузинский гренадерский полк под командованием близкого друга Фадеевых князя Ильи Орбелиани, 7 июля 1849 года Леля Ган обручается с Никифором Блаватским. До восемнадцати лет ей не хватает трех недель. Сбегает она от мужа через три месяца, умчавшись верхом в Тифлис, так и не исполнив ни разу супружеских обязанностей и не дождавшись церемонии вступления Блаватского в должность вице-губернатора. Спешный семейный совет постановляет: отправить своенравную девицу от греха подальше – к отцу, в Одессу. Но свой путь по Грузии в порт Поти она организует так, что опаздывает на запланированный пароход. И уплывает на английском паруснике, подкупив шкипера. Сбегает в никуда, исчезнув на десять лет. «Никто не знал, где она, и мы считали ее умершей», – признается ее сестра Вера.

Вновь в Тифлисе она появляется в 1860-м, совершив кругосветное путешествие, побывав во многих странах Востока, Малой Азии, Западной Европы, Северной и Южной Америки, в Китае и Японии, Египте и Индии. Это уже совсем иная женщина – многое перенесшая и повидавшая, чудом выжившая после смертельной раны, полученной в рядах гарибальдийцев. А главное – со сложившимися религиозно-философскими взглядами, умеющая контролировать свою психику, успешно занимающаяся модным тогда спиритизмом. Она давала сеансы по всей Европе, так что тифлисский «свет» принимает ее с восторгом. Тем более, что ей удается то заставить звучать закрытое фортепиано в запертой пустой комнате, то сдвинуть взглядом легкий столик, то угадать содержание писем в запечатанных конвертах, то вывести из строя электроприборы, не прикасаясь к ним... Даже ее кузен Сергей Витте, весьма скептически относившийся ко всему этому, признает: ««В ней, несомненно, был дух, совершенно независимый от ее физического или физиологического существования»».

А вот, как он описывает Блаватскую начала 1860-х годов, когда она взяла себе имя Рада-Бай: «Она была уже пожилой женщиной и не так лицом, как бурной жизнью. Лицо ее было чрезвычайно выразительно; видно было, что она была прежде очень красива, но со временем крайне располнела и ходила постоянно в капотах, мало занимаясь своей особой, а потому никакой привлекательности не имела. Вот в это время она почти свела с

Елена Блаватская в конце жизни

ума часть тифлисского общества различными спиритическими сеансами, которые она проделывала у нас в доме. Я помню, как к нам каждый вечер собиралось на эти сеансы высшее тифлисское общество...»

Между тем благосостояние некогда богатой семьи Фадеевых становится все хуже и хуже. И, чтобы поднять его, Блаватская развивает бурную деятельность. Нет, не спиритическими сеансами зарабатывает она, а коммерцией. Открывает в Тифлисе успешную мастерскую по изготовлению искусственных цветов, занимается сплавом леса и вывозом за границу наплывов на ореховых стволах, создает дешевый способ добывания чернил... Она выезжает по делам и в Кутаиси, и на черноморское побережье, и в Самегрело, где ее считают кудесницей. И люди издали стекаются к ней и подлечиться, и посоветоваться о жизни. Она получает благословение от экзарха Грузии Исидора. А потом в Самегрело ее валит с ног неизвестная болезнь, исхудав, она превращается в живой скелет. Но когда ее привозят в Тифлис, внезапно исцеляется. «Подчинив болезнь своей воле», как считала ее сестра Вера.

На этот раз она проводит в столице Грузии почти четыре года, однако жизнь без путешествий и ярких впечатлений, без общения с единомышленниками и знакомств с неординарными людьми – не для нее. И она уезжает, потому что «на сердце было беспокойно, и душе было тесно». Уезжает навсегда, охраняя в сердце город своего взросления и первой влюбленности, город первых решительных действий, город, образ жизни которого помог становлению ее идеи всеобщего единения.

Тифлис моего детства

■ Ксения ПЫШКИНА-ЛОМИАШВИЛИ

С героиней публикуемых ниже воспоминаний связаны лучшие моменты моей жизни, хотя и много тяжелого и мучительного. Это моя бабушка – Ксения Павловна Пышкина (в девичестве Ломиашвили, 1897–1981). Все, чем я являюсь сейчас, – а у меня есть некоторые заслуги в области филологии (я доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова на филологическом факультете которого тружусь уже более 45 лет) – заложено было ею: любовь к чтению, интерес к искусству, нравственные основы. Свое восприятие ее личности и память о ней я когда-нибудь изложу в своих воспоминаниях. А здесь лучше предоставить слово ей самой. Стоит только добавить, что, к сожалению, воспоминания ее доведены только до начала 30-х годов. Остальная часть ее жизни известна мне по ее рассказам. Трагедия репрессий 1937 года проникла и в уже написанное ею, но во многом явилась причиной приостановления письменного воссоздания прошлого (тяжело было описывать арест мужа и то, что произошло потом), поэтому считаю своим долгом кратко охарактеризовать события последних 45 лет ее жизни.

Перелистывая окружную газету «Нярьяна вындер» начала 30-х годов XX века, можно встретить имя инженера Алексея Федоровича Пышкина (кстати, сына крестьянина из села Хашури Горийского уезда, крещенного в селе Земно-Чалы и окончившего Тифлисское реальное

Ксении Ломиашвили 8 лет

училище), публиковавшего статьи об индустриализации Печорского края и Нижнепечорья. Это позволяет в какой-то мере воссоздать события далекого прошлого, касающиеся и ранней истории Ненецкого округа, и достаточно типичные для эпохи советской индустриализации судьбы людей, одной из которых и является супруга Алексея Федоровича Ксения Павловна Пышкина, первая женщина-мотористка на Печоре. На этом месте и прерываются публикуемые ниже воспоминания.

Тифлис. Начало 20 века

В 1933 году после окончания работ Печорской экспедиции супруги уезжают с Севера (в Нарьян-Марском краеведческом городском музее деятельности Пышкиных на Севере посвящены отдельные стенды). После краткосрочной работы в Москве Алексей Федорович был направлен на Дальний Восток на должность главного инженера строительства «Дальстройпуть». Здесь, на Дальнем Востоке, Пышкин, ранее не служивший в армии, назначен помощником командира особого корпуса железнодорожных войск, руководимого Яном Яновичем Лацисом, бывшим латышским стрелком, имел три «ромба». Одновременно он был главным инженером особого корпуса железнодорожных войск. В условиях нарастающей подозрительности в советском обществе и волны репрессий Алексей Федорович оказался в числе многих, которых постигла трагическая участь. После ареста 21 мая 1937 года он еще некоторое время писал жене в Москву письма о том, что все благополучно, но пытки, требовавшие от него признания в сотрудничестве с японской военной, сыграли свою роль, и 13 марта 1938 года в возрасте 55 лет он был расстрелян как японский шпион, а 20 марта 1958 г. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор в отношении Пышкина А.Ф. по вновь открывшимся обстоятельствам, дело за отсутствием состава преступления было прекращено, а он был реабилитирован посмертно.

Ксения Павловна избежала ареста потому, что в течение 1937 года вместе с 19-летней дочерью Татьяной постоянно меняла квартиры, заметала следы, сменила множество мест работы. Во время войны она возглавила находившуюся на Пушкинской площади библиотеку, ныне носящую

имя А.П. Чехова, – о ее деятельности на этом посту можно прочитать в книге «70 лет московской Библиотеке имени А.П. Чехова» (М., 2010). Но и уйдя на пенсию, она время от времени работала – но уже не на столь престижной, хотя и малооплачиваемой должности. В последние годы она трудилась ночным сторожем в каких-то учреждениях (называлась «специализация» – сотрудник вневедомственной охраны) – так трудно выживала интеллигенция на исходе советского времени, в 60 и 70-е годы. Но до последних дней, даже очень нуждаясь, она покупала книги (собирала мировую новеллистику и книги о путешествиях, составившие сейчас костяк моей личной библиотеки), следила за новостями (особенно ее потрясло убийство Джона Кеннеди), пыталась наставлять меня на путь истинный. Умирала она тяжело, и эти дни – одни из самых горестных месяцев моей жизни... Скажу только в дополнение, что в годы перестройки газетой «Советская Россия» был организован конкурс красивейших женщин бывшего пространства СССР, и я послала туда фото молодой бабушки. И она вошла в первую десятку красавиц России! И еще знаю, что в последние годы она чувствовала себя очень одинокой. А я по молодости лет, занятая учебой и своими делами, не понимала, что в моих силах скрасить ей это время. Делала, казалось, много, но только сейчас, сама приблизившись к ее возрасту, понимаю, сколь недостаточно. Об этом тоже есть строки в дневнике... Горькие строки, которые не вправе удалить...

Воспоминания (первая часть, касающаяся детских лет) публикуются по рукописи, сохранившейся в семейном архиве.

Мария МИХАЙЛОВА

Ольга Ломиашвили с сыном Ростиславом и дочерью Ксенией

21 января 1976 г. Мне 78 лет, 3 месяца, 16 дней. Поздно – накануне конца жизненного пути начинать писать о прошедшей жизни, тем более, что не все сохранилось в памяти и, безусловно, не будет абсолютно точно обрисовано, и из-за плохой памяти и возраста, а главное – трудно будет избежать изменившегося взгляда на все пережитое, и изложение будет всегда неточно, т.к. одни и те же факты и события в зависимости даже от языка, слов меняют смысл. А мне уже трудно подыскивать более точные слова. И поэтому, к моему глубочайшему сожалению, это может произойти с моими записями, которые я посвящаю своей любимой внучке Маше.

Бабичек.

Самое первое воспоминание. Яркий солнечный день, возможно, утро весеннее, т.к. все, кто был в это время со мной, одеты довольно тепло. Мы на большом, очень оригинальном балконе. Он между двух рядов домов и выходит одной стороной во двор, где напротив какое-то одноэтажное кирпичное строение, а другая его сторона выходит на улицу. А под ним ворота и калитка или две калитки по бокам ворот. У балкона перила деревянные, окрашены

белой краской, резные. Пол деревянный, дощатый, ярко окрашен и натерт, очень блестит. Одна стена дома имеет застекленную дверь, перед ней в кресле сидит вся в черном и с покрытой черным шарфом головой красивая женщина с очень бледным, пожалуй, даже желтым лицом. Это, мне сказали, моя бабушка, мать отца. Раньше я ее не видела. Она мне улыбается, я иду к ней, но она испуганно делает резкое движение руками, как бы отстраняясь от меня, и я с испугом замираю. Тогда мама берет меня на руки и подносит к перилам балкона в сторону улицы, которую я вижу. Она вся в камнях и пыли, как будто перерыта. Тут я слышу, как бабушка просит отца отвести ее в комнату. Отец почти берет ее на руки, она еле идет, ведомая им, и они скрываются за дверь. Мы с мамой остаемся на балконе, отец вернулся, и мы уходим в помещение напротив стеклянной двери, куда увели бабушку. Это на противоположной стороне балкона.

Позже мне сказали, что это было в местечке Ахалцихе. Мы туда приехали после страшного землетрясения, поэтому мне и запомнилась эта улица, вся в камнях и в каких-то завалах. Говорят, что после и до этого таких страшных разрушений не было. Видимо, мне было не более 3-

лет. А бабушка моя умирала от горловой чахотки. Ее я больше не видела. За ней ухаживал мой отец, Павел Ломиашвили, один из ее 3-х сыновей, офицер 77 Пехотного Тенгинского полка, того полка, в котором служил Лермонтов. Второй сын был учителем в Закавказье (теперь это Азербайджан, ранее Кахетия). 3-й брат уехал от матери, и о нем никто больше ничего не услышал. Я эту бабушку знаю только по рассказам и помню, вернее, тоже по рассказам, что она очень любила мою мать, но редко позволяла приходить, т.к. боялась ее заразить. И за ней ухаживал отец. Он ее и обмыл, и обрядил в гроб.

Потом у нас появились новые серебряные ложки, столовые и чайные, и их так и называли «бабушкины». Остались еще мелочи. И что мне больше всего нравилось – это кольцо мужское с тремя чудными бирюзовыми камнями, очень красиво расположенными в кольце: между камнями золото было в гранях, оно очень блестело. И мне, сажая меня на кушетку и сидя рядом, мать разрешала играть им. Еще были 4 или 5 колец с бирюзой, они были в свинцовой или какого-то другого металла оправе. Все мелочи были в узелках (это на Кавказе шьют такие, как одеяла, из лоскутов 3-х или 4-х угольной формы, на подкладке, величиной с большую салфетку). Самым интересным была суповая ложка из кокосового ореха, отделанная серебром, художественной работы. Она была окантована полосками с зубчиками с точеной ручкой черного дерева. Потом мы многие годы пользовались салфетками бабушки с ее инициалами С.М. (Софья Ивановна Маяцкая – второй раз она была замужем за украинцем). Вот и все, что я помню о бабушке, матери моего отца.

Но у меня была другая бабушка, мать моей матери, которая сыграла большую роль в моей жизни, которую я очень любила и которой я обязана всеми теми радостями, которые выпали на мою долю в детстве. Она умерла на моих руках в очень тяжелое

голодное время, в Гражданскую войну.

В памяти встают отдельные миги, именно миги, отрывки довольно ярких, мимолетных эпизодов. Это уже в доме бабуся, так я всегда ее называла. Она была чрезвычайно красива и молода. К моменту, когда мать выходила за отца, ей не было и 40 лет. Все, все в ней было изумительно красиво: темные каштановые волосы, почти черные, глаза, красивые, коричневые, как бы бархатные, брови соболиные чудной формы, лицо скорее круглое, но и удлиненное, кожа матовая с нежным пушком, цвет лица несколько бледный, поэтому она слегка румянила щеки каким-то порошком, довольно небрежно хранящимся в верхнем ящике комода в нескольких рваных, вложенных друг в друга бумажках и поэтому рассыпавшимся вокруг в ящике. Она брала на ладонь капельку глицерина, потом слегка на палец порошка и, разведя, втирала полученную смесь в щеки. Получался изумительно нежный розовый оттенок. Потом она пудрила все лицо. И с ее алыми губами, которые она никогда не красила, чудной улыбкой и с едва вы-

глядывавшими зубами – передо мной стояла изумительная красавица с ангельским лицом и нежной улыбкой. Бабуся брала меня на руки и целовала, целовала без конца. А я, смеясь, обнимая и целуя, чувствовала запах ее постоянных духов – ландыша. Духи, конечно, были французские, т.к. тогда это было и недорого, и лучше английских. Были и наши, но ими ни мама, ни бабуся не пользовались. Духи бабуся покупала на вес. Тогда и такие были – 30 коп. золотник. Продавали в аптеке на Эриванской площади. Бабушка покупала французские из экономии, т.к. флакон стоил 2 р. 50 коп., – 3 р., а английские – 6 руб. (Астрис). Я уже много позже, будучи в музее-квартире Марии Ермоловой в Москве, с изумлением увидела на ее туалетном столике такой флакон, какой один раз купила себе мама. Это флакон из хорошего стекла, заключенного в узорчатую металлическую позолоченную сетку. Я стояла, глядя на флакон, вспомнила маму, детство, и комок застрял в горле. Так все было ярко и живо, вплоть до ощущения запаха, как галлюцинация, ибо я, как мне показалось, и его вспомнила. Думаю,

что у нервных людей так бывает.

Помню еще: я, бабуся, мама, дядя Витя (мамин брат, на год ее моложе) сидим в гостиной. Утро, возможно, воскресенье (т.к. дядя и бабушка дома). Мама и дядя спорят, ибо газеты только что прочитаны. И для спора «до хрипоты» материал есть. Мама читала «Новое время», а дядя – «Русское слово». Газеты абсолютно контрастные в политическом плане. Я совсем малышка, но почему-то мне кажется, что дядя как-то мягче, спокойнее, а мама раскраснелась и нервно перебирает косу. Она дома всегда ходила с косой, которая была толстая и ниже талии. Но впереди волосы подрезаны и закручены на папильотки – бумажки, штук 7-8. Тут уж не знаю почему, я вдруг начинаю танцевать падекатр и подпеваю на известный мотив: «Мама, купи мне пушку и барабан. Я поеду к бурам бить англичан». Я танцую по всем правилам, поднимаю то одну ножку, то другую. Словом, все па – абсолютно верные. При этом – в пальто, а на ногах – чусты. Это вроде тапочек, но цветных, очень мягких с острыми носами, без каблука и шнурка...

Повозка на тифлисской улочке. Начало 20 века

Бабушка работает на железной дороге кассиром 1-ого и 2-ого классов. Выходных дней нет. Только после 1905 года она стала работать через день, сутками, и ей еще дали помощника. Но я помню время, когда она работала без смены. Бывало, днем придет, наспех покушает и ляжет спать. Вскоре бежит сторож Иосиф и уже с порога громко и скороговоркой: «Юлия Михайловна, поезд вышел с Навтлуга (это станция вблизи Тифлиса в одну сторону, а в другую – Авчалы). Бабушка вскакивает, хватается свои ключи (сумочек, как все женщины, она никогда не имела, так же как и кошельков, которые тогда, на французский манер, называли портмоне, а деньги завязывала в уголок носового платка и прятала на груди всю жизнь). И вот уже она бежит на вокзал, около которого мы жили на казенной квартире бабуся. Это очень близко. А было всего 3 казенных

Рынок. Тифлис. Начало 20 века

дома. В доме № 1 жили начальники разных служб, кассиры, начальник станции. В корпусах 2 и 3 жили телеграфисты, кладовщики, работники товарной станции. У бабуся были 2 комнаты + застекленная галерея, которая была у нас столовой. Она имела это бесплатно + отопление (уголь высшего сорта, антрацит, дрова) и освещение (керосин) + 75 руб. жалование. Это были очень хорошие условия, но все же не за ее бессменную работу. Хотя поездов было не так много, но иногда и в 3 ч. ночи придет, а в 5-6 утра уже первый поезд. Последний в 12-1 ч. ночи, но отчет ежедневно на 2-3 часа. Бабуся училась в пансионе частном (тогда это было), а не в пансионе для благородных девиц, которые были государственные. В пансионатах частных очень хорошо обучали иностранным языкам, обязательно фортепьяно, пение и танцы. Писала бабуся с ошибками, почерк острый, похож на готический, но считала молниеносно и без ошибок.

Это примерно 1905 год. Мы живем в Тифлисе на Боржомской улице. У нас квартира из 3-х комнат, есть ванна, но освещение керосиновое. Недавно родился брат. Его назвали Ростиславом.

А когда мама ожидала ребенка, отец шутил: «Вот у тебя скоро будет братик. Поликарп». Я почему-то страшно нервничала. Это имя меня пугало, и я не могла понять, почему отец избрал такое страшное слово. Мне казалось, что «Поликарп» – уродец. Волосатый, подслеповатый, с уродливым носом и ртом. Я страдала и со страхом ждала это чудовище. Но родился брат и... это буквально был ангел: золотистые волосы, огромные голубые глаза, розовый здоровый ребенок.

У нас на улице, немного вкось, против нашего дома (дом Такиева, хозяйственно-бакалейный магазин № 6 на Боржомской ул.) – одноэтажный особнячок. В нем живет Бонапарт, потомок Наполеона. Он постоянно сидит в кресле у окна, я его вижу. Мне он кажется довольно молодым худощавым брюнетом. Почему-то говорят, что он очень нуждается, его все жалеют. В окне, кроме него, виднеется ширма деревянная, 1/2 верха обита зеленым. Почему-то помню, что не было на окнах занавесок. А может быть, я в этом что-то путаю. Ширма, кажется, из красного дерева. Днем на улицу он, видимо, не выходил. Или очень редко. Я его не видела никогда.

Любила я ходить с бабусей по магазинам. На Вокзальной был персидский магазин. Хозяин Хасад и еще два его брата очень молодых. Хасад курил кальян, и я с восторгом смотрела на булькающую воду в сосуде. Бабуся его знала с ранней молодости. Когда дяде было 3 года, она пошла с ним что-то купить у Хасада. Возвращаясь, она увидела, что дядя вытащил из кармана коробку ваксы, что для чистки сапог. Это были круглые коробочки черного цвета с золотым петухом на крышке, очень блестящие и с петухом очень импозантным. Они-то и соблазнили ребенка. Бабушка быстро вернулась в магазин и, подведя Витю к Хасаду, сказала: «Вот, Хасад, посмотри, мой сын – вор, он украл у тебя ваксу, на, возьми обратно». Дядя Витя заревел, зарылся в юбку матери, и его еле успокоили. Но это был урок, и более честного человека вряд ли можно себе представить. Он был щепетилен во всех расчетах, честен даже в мыслях. И очень прямой. Я думаю, что тот случай потряс его, и он и в людях всю жизнь больше всего ценил честность и прямоту.

Я до 1918 года помню этот магазин, его хозяев и его товар. Лимоны в большой банке (в форме рюмки) в воде около хозяйского места на прилавке. За его спиной на полках коробки с финиками, с «малагой» (испанский засушенный черный виноград целой кистью с красными бантиками), коробки деревянные круглые с ореховой халвой, а на полу мешки с орехами всех сортов, рахат-лукум и прочие восточные сладости. А главное – это «кишмиш лаблодо» – это очень высокий сорт изюма, наполовину смешанный с печеным (поджаренным) горохом. Любимое лакомство бабуся. Она объясняла это тем, что ест, чтобы меньше курить. Она курила папиросы или «Султания» – 15 коп. 25 штук, или «Симпатия» – 5 коп. 10 штук. В коробке и те и другие. Дядя покупал гильзы 250 штук в коробке. И табак в пачке. У него была машинка, и он сам их набивал. Очень интересно мне

было присутствовать при вскрытии коробки гильз. Там были вложены сувениры: иногда мундштуки, а большей частью маленькие куколки фаянсовые вроде гусей, уток, собачек, кошечек, матросов и пр. Это принадлежало мне для игры. Гильзы были из Одессы фирмы «Кадык», реклама везде лезла в глаза. Раньше женщины редко курили, но при такой тяжелой работе, как у бабуся, – это было естественно.

Бабушка при ее доброте Настю держала, пока она не родила третьего ребенка – Мотю. Это ведь ужасно – кухарка и трое детей и муж. Всех кормила. Зарплата было 10 руб. + 2 фунта сахара и пачка чая. К Пасхе и Рождеству – подарки. Отрез на платье. Позовет ее в комнату и вручит. А кухарка – хлоп в ноги, земной поклон. А бабуся кричит: «Что за безобразия? Ты опять за свое! Больше никогда тебе ничего от меня не будет. Уходи вон!». Настя встает, прижимает отрез к груди, вытирает слезы на глазах и уходит. А бабуся долго-долго ворчит, возмущается, а дядя, задыхаясь от возмущения, начинает почему-то говорить вообще о забитости всего русского народа, о грядущих переменах, потом он и мама уже мирно говорят о Чехонте, о Горьком, о выступлении Шаляпина с «Дубинушкой», о репинских «Бурлаках». А я все слушаю и впитываю. Дядя, беря газету «Новое время», возмущен, что Горького там ругают, мама на этот раз с ним согласна, она последнее время начала увлекаться французским языком, выписывает журнал «Иллюстрасьон» в чудных обложках пастельных тонов – розовых, салатных, голубых. Книжки приходят пачками, все новинки. Стала выписывать из Парижа пудру, лосьон из Института Красоты – «Клития» – крупные черные буквы на белом фоне. А до этого времени употребляла только крем под маркой «№ 4711» – белый, что-то вроде вазелина. Души фирмы «Убиган» были самые любимые. «Идеаль» в коробке, обтянутой желтым шелком с сиреневыми стилизованными цветами с оригинальной

застежкой в форме пластинки из кости, закладывающейся в петлю. Помню, что я в детстве очень жадно собирала разные флаконы и пузырьки. И Бабуся шутила: «Когда Ксеничка будет выходить замуж – главное в приданом будет подвода, полная ящиков с пузырьками». Я злилась и кричала: «Замуж никогда не выйду, не выйду, пусть все женихи сдохнут».

Сегодня день изумительный: грузинская свадьба проезжает мимо дома. Все приданое на фаэтонах, а их вереница. Видны красиво возвышающаяся на одном фаэтоне на сиденье груды подушек, на втором – зеркало, на следующем – ковер, потом одеяло, потом тазы и кувшины, все блестящее и медное, и т.д. А когда кутят кинто – на первом шарманка, на втором его шапка и пр. Кинто – это мелкие торговцы, содержатели духанов, в национальных костюмах, состоящих из очень широких черных шаровар и камзола с очень сильно плиссированной баской и с мелкими пуговицами на груди, на голове маленькая войлочная черная шапочка «куди», а пояс широкий, серебряный с шишкой «на животе». На ногах особые «чусты».

Кинто – народ разбитной, крикливый, остроумный. Торгуют, прославляя свой товар громкими криками: «Риба, риба, живой риба, сам танцует, сам играет, бери, генацвале, бери, дешево-дешево отдам». Но самое обязательное у кинто – это бородавка на щеке, обязательно с длинными волосами. Если таковой не одарила природа, то делали ее искусственно: это оставляли на щеке кусочек небритый (с 15 коп.) и, отрастив желаемой длины пучок бороды, начинали его закручивать. И таким образом шик возрождался. Потом обязательно в руках большой платок с мелким рисунком бордового цвета с желтым и еще вкрапленным зеленым. И тогда все по традиции есть. При этом и походка особая, вихляющая, но с торжественным выражением на лице. Это почти точное описание. Но

не видя живого человека – все равно не будет понятно.

Рыбу приносили на дом, так же как и фрукты. На большом лотке, деревянном, который держали на голове, поставленном на скрученный платок. Фрукты и овощи в сезон продавали на тачках (а это 9 месяцев в году). А груши и яблоки продавали круглый год. И тоже по домам, но уже в корзинах. Тачки почти квадратные с ослом или мулом. За 2 квартала были слышны крики продавца. Звонкий голос без передышки: «Черешня, черешня, сладкая, как сахар, черешня, черешня...» Или: «Баклажан, спелый сладкий баклажан, купи, купи, а то уйду, покупай скорей, покупай!». Все привозили: персики, груши, абрикосы, сливы, редиска, все сорта трав, огурцы, помидоры. Все изобилие юга, все многообразие садов и огородов с раннего утра буквально «вносили» в дом. Даже такие вещи, как хлеб.

Ежедневно, к четырем часам дня раздавался голос продавца: «Вот пришел Пантелей, принес кренделей». И далее следовал еще ряд прибауток. Это был рослый дядька в белом сверкающем колпаке, такой же тужурке, ослепительно белой, в фартуке, все туго накрахмалено, в руках большая белая корзина, закрытая белой салфеткой. А под ней... ароматные воздушные слойки, крендели, булочки, плюшки, коржики, сайки и пр. мелочь русского хлебопечения.

А какой был хлеб в «пурне» (это кавказская пекарня с особой печью)! Бывало, идешь и за квартал запах, аромат печеного хлеба, чуда самого вкусного, пшеничного. Всегда возвращаясь вечером с прогулки (часов в 6-7) мама с нами (я и брат) заходили купить чурек. И охотнее серый, чем белый, т.к. он был вкуснее. И по дороге от нетерпенья отламывали кусочки и ели теплый хлеб. И это было вкуснее всяких пирожных.

*(Публикуется в сокращении.
Окончание следует)*

ВЕЛИКАЯ МАГИЯ

■ **Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ**

Тбилиси избалован гастролерами. Но не пресыщен – гастролы московских театров были и остаются грандиозным праздником.

Приезда наших любимцев – вахтанговцев – мы всегда ожидали с особым нетерпением, дождавшись – наслаждались, радовались как приходу Нового года.

Так происходит и сегодня.

За последнее время театр им. Вахтангова дважды приезжал в Тбилиси. Спектакли Римаса Туминаса «Дядя Ваня» и «Евгений Онегин» прошли на сцене Грибоедовского триумфально. В кассах было шаром покати – билеты разлетались в мгновение ока. Люди висели на ярусах, толпились в проходах.

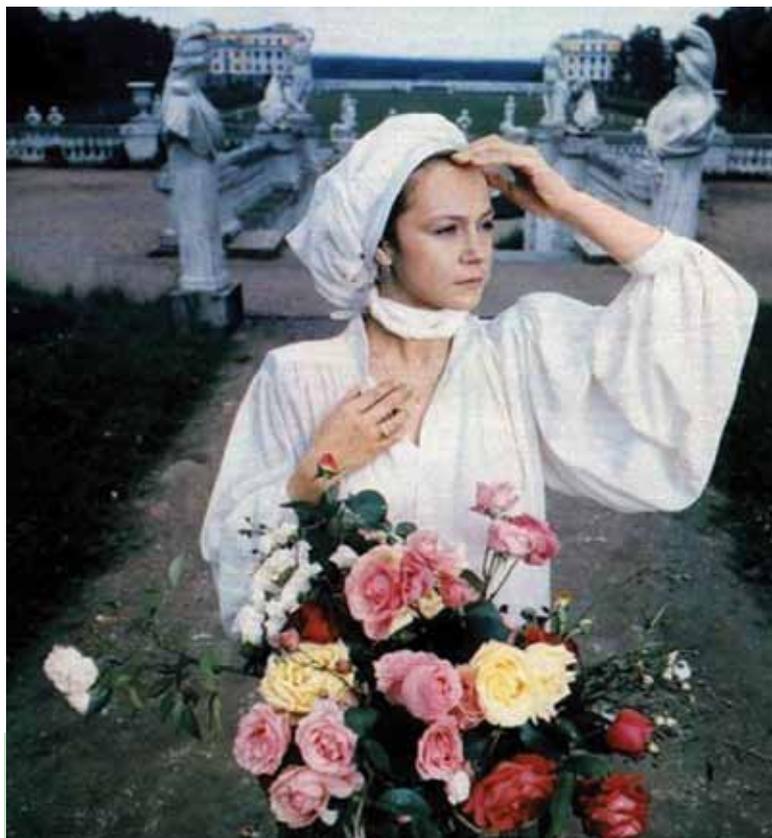
Крупный бриллиант в короне спектакля «Евгений Онегин» – «Сон Татьяны». Выход Ирины Купченко. Овации в момент появления. По окончании – само собой.

Она не выходила на тбилисскую сцену более 30-ти лет – с начала 80-х, когда Вахтанговский привез несколько спектаклей, в том числе и «Великую магию» Э. де Филиппо, где Купченко сыграла одну из главных ролей.

На интервью актриса согласилась в одну секунду, и автору этих строк не пришлось использовать ни одного из заготовленных слезных доводов. А вот место для беседы за кулисами она выбирала долго – ей хотелось уединиться, но в то же время слышать трансляцию спектакля. Скажу честно – пришлось побегать по этажам театра (при этом я еле попевала за стремительной Ириной Петровной!). Расположились, говоря театральным языком, в «кармане», среди декораций. На колченогой табуретке стройная Купченко сидела изящно и ровно, как королева. Я так и назвала ее в глаза – королевой театра. Compliment не пришелся по душе, и раздосадованная актриса едва не прервала интервью. Но, слава богу, обошлось. Договорили.

– **Каким вы увидели Тбилиси сейчас?**

– Конечно, город очень изменился. Отстроен, перестроен. Атмосфера немного другая. Когда-то это был вальяжный, расслабленный город... Сейчас такого нет. Тбилиси, мне кажется, стал более напряженным. Впрочем, как и Москва, как и все

Ирина Купченко

другие города. Жизнь изменилась. Но грузинский характер все равно не изменишь – водители едут как хотят, пешеходы переходят как хотят, все сигналят как хотят. И никаких правил – только как душа просит!

– **В Москве не так?**

– Не так. Москва – другая. Более нервная, более деловая.

– **А театральным зрителем тоже изменился?**

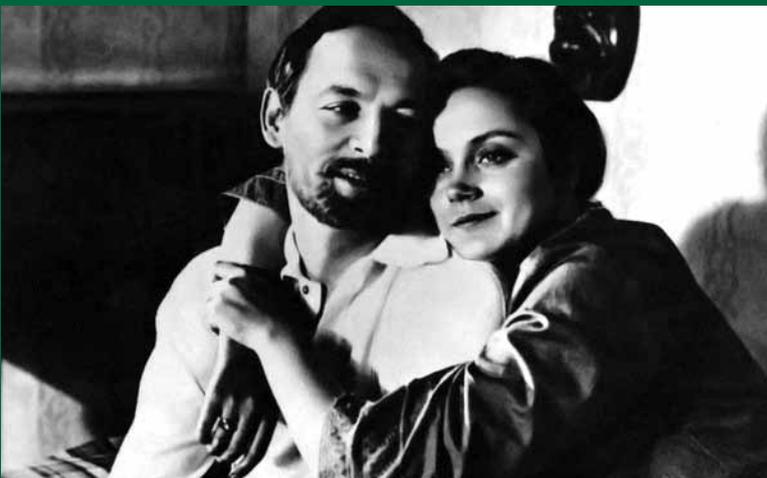
– У грузин такой характер, который, по-моему, не поменяется ни при каких обстоятельствах.

– **Вы довольны приемом публики?**

– Очень. Принимают тепло, слушают хорошо, реагируют замечательно.

– **Московский зритель за последние годы стал другим?**

– Нет, и это поразительно. Когда появились видео, диски, компьютеры, интернет и стало возможным смотреть все, что хочешь и когда хочешь, предрекали, что театр вскоре вообще умрет. И в первые годы после перестройки в театрах народу совсем не было. Иногда в зале сидело пять человек. И все равно театры от себя не отказались – решили продолжать играть, сколько бы зрителей ни было в зале. И играли! Хотя не знали, на что рассчитывать в будущем. Действительно не знали. Но, вы знаете, постепенно зритель вернулся в театр. Сейчас в кинотеатре могут сидеть пять человек, а в театрах – аншлаги. Есть в театре магия, которая человеку в жизни необходима, магия живого присутствия, живого общения. В Москве театры переполнены. Зал Вахтанговского рассчитан на 1200 человек, но у нас всегда полный зал.

С Василием Лановым в фильме «Странная женщина»

– Как изменился Вахтанговский?

– Театр не может не меняться. Сейчас во всем мире театры контрактные. Стационарных театров, с репертуаром, в каждой стране может быть один-два. Как правило, это исторические театры – Комеди Франсез, Королевский театр в Ковент-Гарден. А остальные театры... Люди собираются, ставят спектакль и играют до тех пор, пока ходит зритель. А у нас репертуарный театр. Хотя, конечно, спектакли тоже идут до тех пор, пока зритель ходит. Про репертуарный театр тоже говорили, что он умрет, но такие театры как были, так и остались. А что касается театра в художественном смысле слова, то, конечно, каждый новый режиссер приносит свое.

– Приход Римаса Туминаса был болезненным для Вахтанговского?

– Нет, что вы! Это был глоток свежего воздуха! Он очень талантливый человек. Безумно талант-

Кадр из фильма «Училка»

ливый. И все, что он принес в театр, нами было принято. Наш театр – своеобразный, с яркой манерой игры. Это и совпало с театральной формой спектаклей Туминаса. И произошло слияние, которое оказалось очень гармоничным. Работать с ним легко, а главное – интересно.

– Когда Георгий Товстоногов видел спектакли, в которых режиссер чрезмерно увлекся формой, то говорил: «Гарнир есть, а зайца нет». Как вам кажется, отсутствие «зайца» – проблема для современного театра?

– Серьезная проблема, на мой взгляд. Сейчас выходит очень много спектаклей, в которых упор делается именно на форму. Содержания нет. А ведь зрителю не столь важно «как», важно «что». И каким бы замечательным, виртуозным и изобретательным спектакль ни был, если нет «что», то нет и спектакля. Конечно, «что» и «как» должны сочетаться. И все-таки без содержания, смысла, мысли, идеи искусства нет.

– Я заострила ваше внимание на этом потому, что, мне кажется, в спектаклях Тумина-

Кадр из сериала «Земский доктор. Жизнь заново»

са «как» играет такую же важную роль, как и «что».

– Может быть, даже более важную.

– Его образы, метафоры и символы вызывают более не к разуму, а к чувствам. Они ценны не столько смыслом, сколько ощущением. Я права или это только мое восприятие?

– Вы правы. Римас очень театральный режиссер. Он мыслит через сценические образы, через форму. Он не может ставить просто. Он должен обязательно что-то придумать. Его ум, его художественная натура работают именно таким образом. Главное, чтобы задевало.

– Задевает.

– Значит, он делает правильно.

– А как вам работалось с Романом Виктюком?

– Я работала с очень хорошими режиссерами и в кино, и в театре. Но даже не знаю, кто еще из режиссеров так замечательно работает с актерами, так помогает им, как это делает Виктюк. Он умеет это делать. Далеко не все режиссеры, даже очень талантливые, выдающиеся и знаме-

В гостях у Ивана Урганта

нитые, это умеют. Многие вообще не работают с актером. А вот Виктюк... Я до сих пор вспоминаю, как точно он умел не просто помочь найти рисунок, краску, образ, но как он мог добиться результата. Ведь зачастую бывает так: режиссер дал задачу, актер не выполнил. Ну и ладно, он дает следующую задачу. А Виктюк добивался. Вот этим он и отличается от других.

– Много ли у вас предложений сниматься?

– Предлагают часто. Но столько случайных, некачественных сценариев! Роли у меня есть, но зритель видит далеко не все, ведь сейчас на экраны почти ничего не выходит. Потому что фильм должен, во-первых, взять прокатчик, во-вторых, кинотеатр. А кинотеатр берет только те фильмы, на которых можно заработать деньги. На чем можно заработать? Зритель избалован энергичным, активным американским кино. Медленные, спокойные, человечные, добрые картины, которые когда-то снимали, сегодняшний зритель не выдерживает. У него уже клиповое мышление. Есть и замечательные примеры. Например, «Легенда №17» – и содержание интересно, и форма очень энергичная.

– Роль в фильме «Училка» чем прельстила?

– Мне была интересна сама проблема – проблема школы, которая, так или иначе, касается каждого.захотелось назвать все своими именами, впрямую, без психологии. Я всегда играла в психологических фильмах, а эта картина совер-

С Василием Лановым

шенно иная. Это не «два пишем, три в уме», не «говорю одно, а думаю другое». Что думаю, то и говорю. И мы проговорили то, что волнует всех. Там очень острый сюжет. Даже не сюжет, а ситуация. Она пограничная – учительница берет в руки оружие...

– Да, это ошарашивает.

– Это было необходимо, чтобы удержать внимание зрителя, потому что если просто говорить какие-то правильные вещи, зритель смотреть не будет – заснет.

– Встряхнуть надо было зрителя, да?

– Конечно. Вообще-то, это принцип Достоевского, у которого все сюжеты завернуты по детективному принципу. Именно для того, чтобы удержать внимание. А говорит он о великом и

С Андреем Кончаловским

вечном. Роман «Идиот» не зря так называется, и не зря главным героем он сделал больного князя Мышкина. Потому что Достоевский понимал, что если он сделает героя нормальным, читатели скажут – да ну, дурак какой-то! А так...

– Манок.

– Манок. Кроме того, в отличие от западного кино, у нас очень мало, практически нет картин о людях в возрасте. А ведь пожилым людям тоже нужно решать свои проблемы. Я не знаю, почему у нас нет таких фильмов. Но, думаю, они появятся. Так что эта роль меня привлекла еще и тем, что в ней есть самостоятельная судьба, своя история. А главное – заинтересовал сценарий и креативный режиссер.

– Фильм вызвал большой интерес, вы получили премию «Ника» за лучшую женскую роль.

– Я была убеждена, что многие его никогда не примут. Учителя, например. А вышло наоборот – именно учителя стали самыми горячими сторонниками картины и требовали, чтобы ее обязательно показывали в школах. Для меня это стало потрясением.

– А новые работы?

– На подходе, скажем так.

– Мы любимся вашей парой – вами и Василием Лановым. Вы, наверное, знаете, какое страстное отношение к Василию Семеновичу в Грузии.

– Особенно у женщин.

– Ну да. Он приезжал на юбилей Грибоедовского театра, и надо было видеть эту длинную очередь из молодых актрис, желающих сфотографироваться с Лановым. Извините за простейший вопрос, вы столько лет вместе, есть ли какой-то секрет долгой семейной жизни?

– Терпение. И только.

– **И это важнее, чем любовь?**

– В браке – да.

– **Можно терпеть и быть счастливым?**

– Можно. Понимаете, очень важно само отношение к браку. В свое время я сыграла роль княгини Трубецкой в фильме «Звезда пленительного счастья» Мотыля – о женах декабристов, которые уехали за своими мужьями в ссылку. Моя героиня мужа своего любила. А, например, Волконская не любила мужа. Вышла замуж по воле родителей, муж был много старше, и есть исторические свидетельства, что она даже изменяла ему. Но Волконская уехала вслед за мужем. Потому что существовало определенное понимание брака. Брак освящался в церкви, человек давал обет быть верным в счастье и в несчастье. Простите, а Татьяна Ларина? «Но я другому отдана, я буду век ему верна». Понятие долга. А любовь... Приходит и уходит.

– **Что вы сейчас читаете?**

Премия «Ника» за роль в фильме «Училка»

– Я очень полюбила историческую литературу, мемуары. Но не те мемуары, которые сейчас пишут – человек жив, а уже книжку про себя написал и описал в ней всех живущих. Я читаю мемуарную литературу, которую люди писали, даже не думая о том, что это будут читать. А если и будут, то при условии – через 50 лет. Люди писали правду, писали открыто, и читать это интересно.

– **Простите, но ваши слова невольно вызывают вопрос...**

– А вы не спрашивайте.

– **Я хотела спросить о мемуарах Андрея Кончаловского.**

– Я так и поняла. Об этом я и говорила – не надо комментировать поступки живых людей.

– **Получается, я вас провоцирую на то, что для вас неприемлемо.**

– Именно на это и провоцируете. Зачем комментировать? Не мне судить.

– **Тогда совсем о другом. Что вы пожелаете своему театру?**

– Желать театру, чтобы он не умер, не буду. Он не умрет, я в этом убеждена абсолютно. Желая зрителей хороших. А еще – чтобы талантливые люди жили и работали подольше, чтобы молодежи было у кого учиться, на кого смотреть.

– **А кто были вашими самыми главными учителями?**

– Очень важным человеком в моей жизни была Елена Александровна Полевицкая. В то время ей как раз разрешили вернуться из Германии в Советский Союз. Она преподавала в Щукинском. В училище она не появлялась. Выбирала с курса двух-трех студентов, которые ходили заниматься к ней домой. Мне повезло, она меня выбрала. Я очень многому у нее научилась. На втором курсе я начала сниматься. «Дворянское гнездо», «Дядя Ваня»... Я работала с Иннокентием Смоктуновским, Сергеем Бондарчуком... Это были великие партнеры, у которых я училась. Когда работаешь с талантливым человеком, то поневоле учишься. Вообще, когда партнер талантлив, то ты играешь лучше, если менее талантлив, играешь хуже. Партнеры – главные учителя. Я учусь всю жизнь.

– **На партнеров вам везло.**

– Очень везло. И на партнеров, и на режиссеров.

– **Каким должен быть идеальный партнер? И был ли у вас такой?**

– Много было прекрасных партнеров. Идеальный партнер? Мне трудно сформулировать... Ну, например, Женя Миронов. Он никогда не играет сам по себе. Такое ощущение, что он играет только для тебя. Смоктуновский был таким – целиком растворялся в партнере. Он, правда, был со своим сложным миром, но очень точно с тобой контактировал как партнер и как персонаж. Знаете, талантливые люди, они разные. И со всеми очень интересно.

– **И легко?**

– Конечно, легко. И чем человек талантливее, тем с ним легче.

– **А вам не хочется написать книгу воспоминаний о тех, с кем сводили судьба, профессия? Не комментируя поступки живущих.**

– Нет, абсолютно не хочется. Не могу. Нет такого желания, нет такого призвания. Правда, я много рассказываю. Особенно о тех, кто ушел. Выпускают фильмы о замечательных актерах, которых уже нет на свете, и я никогда не отказываюсь принять в них участие и поделиться тем, что помню.

– **Может быть, когда-нибудь и книга случится.**

– Не думаю... Но кто знает наверняка?

ЗАПИСКИ КОЛОМБИНЫ

■ Елена КИАСАШВИЛИ

18-го июня в Вакийской Медиатеке состоялась презентация книги воспоминаний Нины Александровны Табидзе «Радуга на рассвете. Тициан Табидзе и его друзья» (Артануджи, 2016, под редакцией Беллы Ципурия). Новое издание представила его редактор Белла Ципурия, напомнив многочисленной аудитории многие интересные факты из биографии Нины Табидзе, а также рассказав обо всех перипетиях публикаций ее мемуаров. В книгу вошли дневниковые записи и воспоминания, которые Нина Табидзе начала писать с 1934 года еще до гибели Тициана и продолжала до начала 60-х – тяжелобольная диктовала отдельные куски своим домочадцам. В сборнике также представлены довольно обширные фрагменты из сохранившегося эпистолярного наследия разных авторов. В том числе письма, ранее неизвестные широкой читательской аудитории. Весь текст сопровождается необходимыми подстрочными комментариями.

Первый сборник воспоминаний Н.Табидзе вышел в свет в издательстве «Сабчота Сакартвело» в 1985 году, т.е. только через десять лет после смерти автора. Это был грузинский перевод книги, изначально написанной на русском языке. По свидетельству семьи Нины Александровны, авторский текст был изуродован многочисленными купюрами. Следует отметить, что многие интересные эпизоды из жизни Тициана, рассказанные его женой, были внесены петербургским литератором Галиной Цуриковой в ее фундаментальное исследование о жизни, творчестве и дружеских связях грузинского поэта (Тициан Табидзе, 1971, Москва-Ленинград). Но и эта монография была «откорректирована» цензурой, а последняя глава, «Пепел рассвета», и вовсе выброшена.

В 1992 году издательство «Мерани» подготовило к выходу в свет воспоминания Нины Табидзе на русском языке,

но были отпечатаны только сигнальные экземпляры, а не весь тираж. Поскольку все эти книги в той или иной степени попадали под пристальное внимание тогдашней цензуры, сравнительно аутентичным можно считать лишь авторский русский текст, оригинал которого, к сожалению, был утерян в издательстве. В новом сборнике, по возможности, восстановлены ранее «вымаранные» фрагменты и добавлен эпистолярный материал. В том числе текст писем Нины Табидзе Борису Пастернаку, хранящихся в Доме-музее русского поэта в Переделкино. Особо следует отметить и необыкновенно удачный подбор фотоматериала.

Символично, что первые полные и неподцензурные издания воспоминаний Нины Табидзе и исследования Галины Цуриковой о Тициане готовились к печати почти одновременно. Презентация монографии «Тициан Табидзе: жизнь и творчество», под редакцией Натальи Соколовской состоялась в апреле 2015 года в

Петербурге во время конференции – «Борис Пастернак и Тициан Табидзе: дружба поэтов как диалог культур». Авторский текст книги был восстановлен по сохранившимся архивным материалам. В нее вошли также русские переводы избранных стихотворений Тициана Табидзе.

При жизни Нины Александровны было опубликовано единственное ее воспоминание: «Наш Автандил» (журнале «Мнатоби», 1964, №8). Оно было посвящено Паоло Яшвили, «сиамскому близнецу» Тициана, который первым назвал супругов Табидзе – Пьеро и Коломбина. Именно в этих образах были они запечатлены на фресках в литературном кафе «Химериони», привычном месте встреч поэтов из группы «Голубые роги».

Первые две главы мемуаров – «Радуга на рассвете» и «Орпир» – представляют собой дневниковые записи начала двадцатого века, без четкой хронологической последовательности. Далее идут воспоминания о встречах и событиях, связанных с русскими и армянскими друзьями Тициана. И хотя общение со многими из них продолжалось долгие годы после рокового 37-го, Нина Александровна, в основном, рассказывает о том, чему была свидетелем вместе с мужем. Более

На презентации книги Нины Табидзе

того, почти в каждую главу, посвященную конкретному человеку, включены не относящиеся к нему личные воспоминания о Тициане. Он является своего рода стержнем, на который нанизываются всевозможные картинки жизни, порой пронизанные тонким юмором, порой грустные, но всегда освещенные великой любовью преданной женщины.

Каждый из искренних и талантливых рассказов Нины Табидзе, каждая встреча, описываемая с необычайной добротой и тактичностью, как бы оживляет образы друзей, вплетая их портреты в канву времени. Ованес

Туманян, Егише Чаренц, Георгий Леонидзе, Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Андрей Белый, Алексей Толстой, Юрий Тынянов, Виктор Гольцев, Александр Фадеев, Константин Федин, Леонид Леонов, Павел Антокольский, Николай Заболоцкий, Николай Тихонов, Петр Павленко, Борис Пастернак – вот те, кому посвящены яркие эпизоды книги, согретые теплом души автора.

Однако список этот мог продолжаться еще и еще – круг друзей Тициана был необыкновенно широк. Среди них были личности как бы несовместимые, творцы непересекающихся творческих миров, которых объединяла лишь дружеская близость с Тицианом Табидзе. Одно перечисление всех имен может составить целый раздел литературы двадцатого века. А Нина Александровна оказалась таким поразительным сподвижником, что и после смерти мужа не потеряла связи с близкими ему людьми. Напротив, в поле ее притяжения попадали все новые и новые фигуры, а дух поэта будто бы и не покидал их общего дома.

Естественно, наиболее подробно воспоминания Нины Александровны о многолетней дружбе с Борисом Пастернаком. Хотя личной дружбе русского и грузинского поэтов было отпущено менее десятилетия, она во многом отпечаталась даже на дальнейшем стиле жизни Бори-

Тако Кивадзе, Нино Асатиани, Белла Ципурия и Звиад Кварацхелия

Гиви Андриадзе и Марика Цуладзе

Нино Чхиквишвили и Зейнаб Лобжария на презентации

са Леонидовича, который писал: «Тициан для меня лучший образ моей собственной жизни, это мое отношение к земле и поэзии, приснившееся мне в самом счастливом сне...».

История этих взаимоотношений, а также дальнейшей поддержки, оказываемой Пастернаком семье погибшего друга, стала уже легендарной. Пожалуй, только жена и друг Тициана долгие годы не хотели верить в его невозвращение, в его окончательный уход в небытие. Все это отразилось в длившейся свыше двадцати лет переписке, обширные фрагменты которой иллюстрируют воспоминания Нины Александровны. А его собственное отношение к вдове друга явственно выступает хотя бы из этих нескольких строчках:

«...Слова любви, которые как всегда я Вам скажу, это та же

узкая, личная, непросветленная, справедливость, упоенность Вашим домом, Вашей улицей, Вашим городом, как каким-то дышащим и движущимся пламенем большой, большой свечи, и Вами, как крайним острием этого пламени и его стрелой».

«Нина, иногда мне кажется, что Вы моя душа, в образе женщины, отброшенная в пространство, чтобы мне легче было разговаривать с самим собой».

Наше время не балует читателей мемуарной литературой. Тем более интересно каждое издание, предлагающее факты, наконец-то не искаленные цензурой. В этом и заключена особая ценность новой книги. Однако есть и вторая сторона вопроса: многие русские писатели вспоминали о своих встречах с Тицианом Табидзе и Паоло Яшвили, посвящали им поразитель-

но теплые строки, даже создавали своего рода литературные портреты.

Нина Табидзе цитирует отрывок из «Ветра с Кавказа» Андрея Белого с удивительно точными характеристиками грузинских поэтов, воспоминания Павла Антокольского, речь Николая Тихонова на творческом вечере Тициана в Ленинграде в 1937 году и т.д. Но, по естественным причинам, остались за рамками книги воспоминания, скажем, Анны Ахматовой, Ильи Эренбурга, Константина Симонова, Ираклия Андроникова, Миколы Бажана и многих других. Безусловно, представляют особый интерес и мемуарные записи грузинских современников Тициана – Георгия Леонидзе, Симона Чиковани, Серго Квдиашвили... перечень можно продолжать довольно долго. Не говоря уже об эпистолярном наследии, в котором содержатся целые пассажи, воссоздающие образы Тициана и Паоло.

Кроме того, в октябре 1976 года в Москве состоялся вечер, посвященный памяти Тициана Табидзе. Все выступления на этом вечере были записаны на 2 пластинки, которые выпустила фирма «Мелодия». Эти записи с голосами И.Эренбурга, П.Антокольского, К.Симонова, Н.Тихонова и других хранятся в мемориальной квартире Тициана Табидзе.

Мне кажется, давно назрела необходимость издания сборника: «Тициан Табидзе и Паоло Яшвили в воспоминаниях современников». Именно одного сборника на двоих, поскольку общей была их судьба, вместе остались они в памяти своих современников и в их воспоминаниях. Ведь пророческими оказались слова из стихотворения «Паоло Яшвили», написанного Тицианом еще в 1921 году:

...Мы – близнецы во всем, везде, до гроба.

Грузинский полдень так же будет ярким,

Когда от песен мы погибнем оба...

Оксана Виллис

СТУДЕНТЫ ГАРВАРДА – ГОСТИ ЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ ГРИБОЕДОВЦЕВ

■ Нино ЦИТЛАНДЗЕ

С 16 по 26 мая на черноморском курорте Шекветили по инициативе и при поддержке МКПС «Русский клуб» прошла вторая Летняя школа актерского мастерства для студентов русской группы II курса актерского факультета Грузинского государственного университета театра и кино им. Шота Руставели (мастерская Автандила Варсимашвили). Занятия по мастерству актера, сценической речи, сценическому движению, истории русской литературы и театра провели специально приглашенные ведущие педагоги из трех стран.

Это Яри Юутинен – режиссер, драматург, основатель театральной группы Theatre Vanha Juko (актерское мастерство) и Лииса Софи Петинен – актриса театра Sadsongkomplex.fi, Хельсинки (сценическое движение) из Финляндии.

Народная артистка Азербайджана Людмила Духовная, актриса Азербайджанского государственного русского драматического театра им. С.Вургуня, Баку, лауреат Национальной актерской премии им. Андрея Миронова «Фигаро». А также педагоги из России –

Елена Одинцова – режиссер, старший преподаватель Московского театрального училища им. Б. Щукина (актерское мастерство), Галина Пасс – педагог Московского театрального училища им. Б. Щукина, Заслуженный работник культуры РФ (история русского театра и литературы) и Марина Перелешина – преподаватель кафедры радио и телевидения факультета журналистики МГУ им. Ломоносова, Высших курсов сценарного и режиссерского мастерства ВГИКа, радиоведущая, автор курса «Речевая коммуникация» (сценическая речь).

Гостями Международной Летней школы актерского мастерства стали студенты Департамента славянских языков и литературы Гарвардского университета (США). Группа из 20 человек гостит в Грузии в течение девяти летних недель в рамках Летней школы по изучению русского языка.

Американские гости посетили спектакль студентов-грибоедовцев «Frozen Images/Ледяные картины» (режиссер – Яри Юутинен), прошедший на Новой сцене Батумского драматиче-

ского театра им. И.Чавчавадзе.

А затем отправились в Шекветили, где приняли участие в занятиях по актерскому мастерству, сценической речи и истории русского театра и литературы. А под занавес Международной Летней школы актерского мастерства общими силами устроили творческий вечер.

О грузинских впечатлениях с нами поделилась координатор проекта, педагог русского языка и литературы Гарвардского университета Оксана Виллис.

– Оксана, расскажите, пожалуйста, о себе.

Я родилась в Алма-Ате, в русско-немецкой семье. Папа русский, он из казаков станицы Верная, которая была переименована в Алма-Ату. Когда Советский Союз распался, мы уехали в Россию, мои родители жили в Калужской области, я поступила в МГУ на русское отделение филологического факультета. Окончила его в 1995 году, поступила в аспирантуру. Я планировала продолжить свои научные изыскания в области театра, но потом решила заниматься современной русской литературой, в частности Пелевиным и Сорокиным. В конце

Участники Летней школы перед спектаклем «Ледяные картины»

концов, в 2008 году я решила написать диссертацию по творчеству Набокова... Но вышла замуж за американца, родила детей и совершенно отошла от преподавания и научной работы. Только спустя годы я вернулась в МГУ и защитила диссертацию. С 2014 года я работаю в Гарварде. Преподаю русский язык. У нас учатся совершенно разные студенты, но они все хотят говорить на русском языке. Я веду курсы русского через Пушкина, Чехова, Достоевского и т.д. Студенты обожают человеческий опыт, который они получают через русскую литературу.

– Чем интересно было для вас участие в Летней школе актерского мастерства?

– Во-первых, мы познакомились с миром русской культуры, русского языка Грузии. Студентам было интересно, как в Грузии функционирует язык, где еще говорят по-русски, есть ли центры русской культуры в Грузии, и для нас работа с Грибоедовским театром была прекрасной возможностью узнать больше о русской культуре, о сохранении и развитии русской культуры в Грузии. Преподаватели, работающие со студентами-грибоедовцами, провели для нас несколько занятий. Например, у нас был урок по сценической речи, по истории русского театра и я должна сказать, что

студентам было очень интересно работать с русским произношением и соединением жеста и звука, которое продемонстрировала преподаватель Московского университета Марина Перелешина. У нас есть студент, который интересуется историей русского театра, методом Станиславского, и преподаватель Щукинского института Елена Одинцова ответила на вопросы наших студентов о современной ситуации в театре и сохранении традиций Станиславского в современном театре. Это было потрясающе. Во-первых, студенты слушали великолепную русскую речь, во-вторых, они узнавали новое для себя и при-

На занятиях

обретали уверенность в том, что по-русски они могут общаться на более высоком уровне, т.е. они могут решать не только повседневные задачи, но и получать образование на русском языке. Конечно, они не все понимали, поскольку у нас только второй год обучения русскому языку, но тем не менее зарядились энергией и оптимизмом, что для них многое возможно.

– Вы посетили спектакль «Ледяные картины», в котором играли студенты целевой группы Грибоедовского театра. Что ваши ребята увидели в этом спектакле?

– Сперва я скажу о своих личных впечатлениях, потом о том, что я услышала от студентов. Меня глубоко потряс спектакль. Он такой взрослый, философский, проблематичный, заостренный на проблемах современных отношений и что меня потрясло, так это то, что молодые актеры играли проблемы очень взрослых людей, смогли продемонстрировать, как тяжело переживают и как глубоко чувствуют то, что нас мучает. Меня удивил уровень игры и глубина понимания проблематики, которую продемонстрировали актеры. Мне очень понравилось, что они все такие красивые, такие разные, умеют красиво двигаться, у них прекрасные лица, они преображались на сцене с каждым новым

Гости из Гарварда в Ликани

характером, совершенно менялись. Я получила огромное удовольствие. И, конечно, отдельная и огромная благодарность Николаю Николаевичу Свентицкому, который придумал ваш замечательный проект. Знакомство с ним стало для всей нашей группы настоящим подарком.

– **А ваши студенты?**

– Ребята... Конечно, они не все поняли, после спектакля у нас была встреча с режиссером и с актерами театра и была возможность задать вопросы и кое-что прояснить по содержанию пьесы, по находкам режиссера, по сценическому языку и, конечно, для студентов многое стало понятно. Один из студентов написал в нашем блоге, что никогда не бывал в театре прежде, и что он был поражен тем, что увидел. Для меня это большая радость, потому что когда человек впервые идет в театр, хочется, чтобы он вернулся туда.

– **Почему лично вы любите русский язык?**

– Мой язык это я. Мне в нем

комфортно, в нем, как в теплом Черном море. Все понятно, я могу до всего додуматься, я могу все объяснить на нем. Это место, где я могу устанавливать контакт с миром, и мир для меня приобретает смысл. Я люблю русский язык за великолепную гибкость, за возможность творить, переставляя приставки и суффиксы, возможность анализировать, что-то находить.

– **А что говорят о русском языке американские студенты?**

– Наши студенты говорят, что русский язык очень красивый, им нравится звучание, кроме того, одна из моих студенток любит заниматься переводом и она находит, что русский язык очень метафоричен. Когда она смотрит на структуру слова, то находит истинное значение слова, улавливает оттенки и это ей очень нравится. У нас есть студенты, которые любят русский рэп, современную культуру, русский современный сленг.

– **Несколько слов о вашем грузинском путешествии.**

– Наша Летняя школа проходит совместно с Тбилисским государственным университетом им. Джавахишвили. Программа самая обширная и рассчитана на полтора месяца. Мы путешествуем по Грузии, уже были в Батуми и Шекветили, побывали в Ликани, Боржоми и Гори. Собираемся поехать на археологические раскопки, организованные ТГУ, будем жить в палатках. Также в планах путешествие в район Казбеги, мы проедем по Военно-грузинской дороге. Хочу отметить, что студенты отдельно и подробно изучают Тбилиси – его историю, урбанистику, архитектуру, обычаи.

– **Оксана, что станет результатом вашей Летней школы?**

– Наша главная задача, чтобы студенты усвоили материал второго года обучения русскому языку. По возвращении в Америку мы будем оценивать

На занятиях по актерскому мастерству

их результаты и достижения и проведем письменный экзамен. Кроме того, по каждому предмету – истории грузинской культуры, истории русской культуры, урбанистике и т.д., студенты должны представить свои проекты. И, разумеется, конечным результатом будет большое сочинение о проделанной работе, о том, какую трансформацию пережили студенты в результате общения с грузинской культурой. Возможно, кто-то захочет вернуться сюда для создания своих проектов.

Торпедовец Слава Метревели и защитник «Нефтяника» Роберт Чанчалейшвили

БРИЛЛИАНТ В ФУТБОЛЬНОЙ ДИАДЕМЕ

■ Давид МАРГАЛИТАДЗЕ

8 июня 2016 года в Малом зале Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова – праздник. Аншлаг. Зрительский состав представляет особый интерес – нечасто ведь увидишь соседями по креслам прославленных футболистов, писателей, деятелей искусства, политиков. И всех их сплотила «одна, но пламенная страсть» – любовь к королевской игре – футболу. Оставшемуся в памяти старшего и среднего поколения болельщиков совсем другим, чем теперь – ярким, зрелищным, творческим, когда сами играли и другим давали, а не сторожили каждый дюйм с акцентом на силу и выносливость в ущерб красоте замыслов и изяществу техники. Воплощением искрометного футбола «героев былых времен был неповторимый и непревзойденный Слава Метревели, которому 30 мая 2016 года должно было исполниться 80 лет. Его памяти и был посвящен вечер, организованный Международным культурно-просве-

дательским Союзом (МКПС) «Русский клуб». Вот только молодежи в зале я, к сожалению, не узрел. И что самое парадоксальное: «Где руководство Федерации футбола?!» – несколько раз раздавалось из зала...

Гвоздем программы вечера стала презентация изданной «Русским клубом» новой книги «Футболист мечты» о звездном пути и о печальном закате недолгой жизни гениального Метревели, так и не сумевшего занять прочные позиции после завершения спортивной карьеры. Ее создал Демико Лоладзе – истинный подвижник, автор около 60 документально-публицистических трудов о футболе и футболистах, филолог, юрист, музыкант, член Союза писателей и Союза художников Грузии, лауреат многочисленных премий.

Прежде чем передать бразды правления соведущим вечера Демико Лоладзе и народному артисту Грузии Дмитрию Джаиани, на сцену поднялся руководитель проекта издания книги о Славе Метревели

– заслуженный артист РФ, заслуженный деятель искусств РФ, президент МКПС «Русский клуб» Николай Свентицкий. Он назвал презентацию монографии о великом футболисте большим событием нашей общественной жизни, а самого Славу Метревели – олицетворением силы, чести и мужества, подлинным рыцарем спорта.

Начался вечер неувядающим футбольным маршем Матвея Блантера, под который было продемонстрировано слайд-шоу: застывшие мгновения искусства Игры и лики ее чародеев... «Минувшие дни» вспоминали любимцы болельщиков – Муртаз Хурцилава, «бастион обороны» и Манучар Мачаидзе «дирижер футбольного оркестра по имени «Динамо», составившего победную летопись грузинского футбола. А на сцене или из зала одни за другими делились «картинками» из прошлого наши прославленные деятели.

Народная артистка Грузии Гуранда Габуния рассказала, что ночь после ташкентской по-

Демико Лолодзе на презентации книги «Футболист мечты»

беды в чемпионате СССР-1964 она с мужем, незабвенной памяти Отаром Мегвинетухуцеси провела на стадионе «Динамо». И посетовала на то, что в Сочи памяти о Славе оказывают больше внимания, чем в Грузии, назвав позором то, что о великом Метревели не было снято ни одной телепередачи.

Председатель Сакребуло города Тбилиси Гия Алибегашвили вспомнил, как в 1964-м, после победы «Динамо» в Ташкенте, отец усадил его, дошкольника, на плечи и выбежал на Руставели, где они влились в небывалое факельное шествие, спонтанно устроенное счастливыми тбилисцами. Сам бывший футболист, исполняющий обязанности председателя правительства Абхазской автономной республики Вахтанг Колбая отметил: «У тбилисского «Динамо» не было поддержки центра, ему никто не дарил очки, бывало наоборот, но оно, ни на что не взирая, все же показали феномен грузинского духа».

«В одном из стихотворений, посвященных мужу, я выразила надежду, что когда-нибудь он полюбит меня больше, чем футбол, — пошутила подымающаяся на сцену с почетной и приятной миссией сопредседатель Творческого союза писателей Грузии Маквала Гонашвили. А миссия

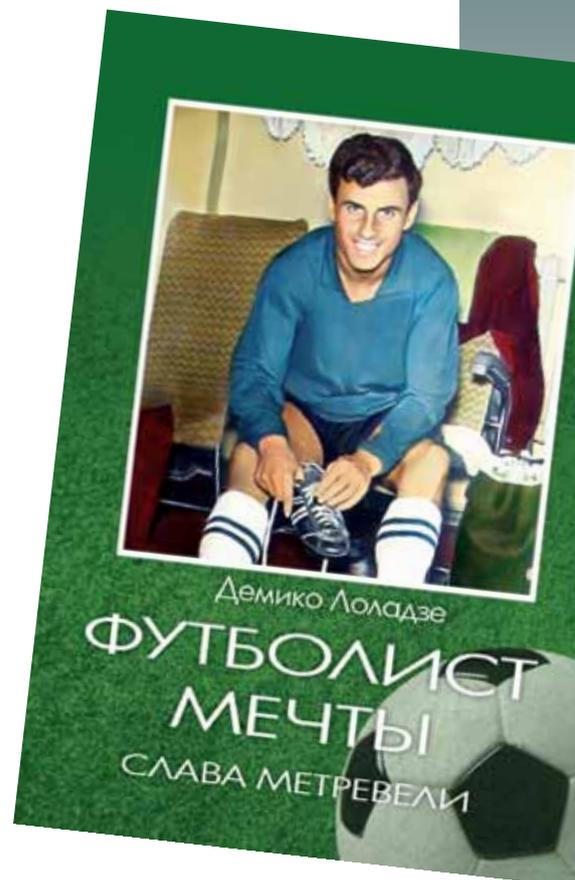
ее заключалась в том, чтобы вручить Николаю Свентицкому и Демико Лолодзе почетные дипломы главного общенационального писательского объединения – «Попечитель грузинской культуры».

О великом спортсмене и грузинских футболистах его поколения с теплом говорили также общественный и государственный деятель Автандил Сакварелидзе, вице-президент Национальной академии наук Грузии Роин Метревели, председатель Творческого союза писателей Грузии Резо Мишвеладзе, музыковед Гулбат Торадзе. В каждом выступлении было в избытке любви, как в стихах актера и поэта Эрекле Саглиани, в песнях Ги Давитиани и «Цисперии трио», многие десятилетия сохраняющего отличную вокальную форму и вкус к исполнению.

От имени родственников Славы Метревели и всех присутствующих невестка великого футболиста Тинатин Хидешели поблагодарила «Русский клуб» за прекрасный вечер, под занавес которого замечательный композитор Важа Азарашвили исполнил ставшую футбольным гимном Грузии песню «Динамо», «Динамо!» на слова Мориса Поцхишвили. Написана эта песня была, подобно «Марсельезе», в одну ночь! Ночь народных гу-

ляний, бочками выпитого вина и миллионов алых роз – в ночь победы тбилисского «Динамо» в Кубке СССР 1976 года.

Что касается достоинств самой книги... С первых же абзацев не остается сомнений: написана она с любовью, в таких случаях говорят «на одном дыхании». И читается с теми же чувствами и

«Циспери трио»

Дмитрий Джаиани

Роин Метревели

Маквала Гонашвили вручает Николаю Свентицкому диплом «Попечителя грузинской культуры»

в том же ритме. Привожу лишь тщательно отобранные эскизы и формулировки за авторством людей знающих, опытных и неравнодушных.

Знаменитый футбольный обозреватель Лев Филатов: «Метревели был наделен абсолютным шахматным слухом... Он «последний из могикан», который может, находясь в ударе, в одиночку повергнуть на лопатки любого международного противника». Патриарх советского футбола Михаил Якушин: «Соперники никогда не знали и не могли догадаться, что и когда он предпримет. Идя быстро с мячом, Метревели то вдруг останавливался, то резко прибавлял в движении и уходил от защитника, как от стоячего». Легендарный форвард Виктор Понедельник: «Ребята в шутку называли его «муха». Худощавый, гибкий, техничный, стремительный, он и

впрямь порхал с места на место, заставляя защитников соперника в панике метаться у своих ворот».

В страшные дни, когда немолчаливая болезнь сомкнула на великом Метревели свои тиски удава, журналист Владимир Саршвили, тогда собкор московской газеты «Труд», опубликовал статью «Судьба Славы», после которой был вызван в командировку для оказания материальной и медицинской помощи великому футболисту. «Торпедо», с которым была связана золотая пора Славы Метревели, его друг и партнер по команде Валентин Иванов, сделали все, чтобы спасти легендарного правого крайнего. Но было уже слишком поздно... И все же, вертится на языке вопрос: разве обошлось без мистики в замкнувшейся цепи жизненного и футбольного пути Славы Метре-

вели: начинал он свое восхождение к звездам в адлерской юношеской команде «Труд», а на закате жизни помощь пришла от московских одноклубников-торпедовцев. Посредством газеты «Труд».

И завершу рассказ об этой памятной презентации цитатой за авторством Нодара Броладзе из приводимой в книге статьи в «Независимой газете»: «Его провожали десятки тысяч, а трибуны главного стадиона страны были заполнены, как в те дни, когда он... «укладывал на газон защитников, как костяшки домино». Мимо гроба проходили тысячи людей, одинаково благодарных и потрясенных... Гроб с телом... пронесли по правому флангу поля».

Земная жизнь великого форварда замкнула круг. Впереди была вечность.

Созидательное Начало

Казалось бы, ничто не предвещало Дмитрию Спорышеву карьеры артиста. Папа – офицер. Мама занималась воспитанием шестерых детей. Но если творчество – в крови, в душе, в сердце, тут уж ничего не поделаешь.

Он окончил театральную студию при Тбилисском ТЮЗе и Грузинский университет театра и кино им. Руставели. С 2000 года служит в Тбилисском государственном академическом русском драматическом театре им. А.С. Грибоедова. Активно занят в репертуаре, и роли его год от года становятся все заметнее и значительнее. Судите сами: Емеля в «Емелином счастье», Буратино в «Рождественской сказке», Граф Вишенка в «Чиполлино», а затем – Васька в «Холстомере» Л.Толстого, Павел Николаевич Елецкий в «На хлебнике» И.Тургенева, Дормедонт в «Поздней любви» А.Островского. А Автандил Варсимашвили в своей трактовке «Ревизора» (кстати, недавняя премьера уже успела прогреметь и получить премии в Грузии и за рубежом) доверил Дмитрию Спорышеву самые важные слова – суть того, как постановщик интерпретировал классическую пьесу Н.Гоголя: «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих...»

Но, как и было сказано, если творчество – в крови, в душе, в сердце, то рождаются не только роли (ну, требует выхода созидательное начало!), но и рассказы, и очерки, и пьесы. А еще – стихотворения.

Нет того дома уже, в котором детство прошло.
Детство прошло?

– Детство прошло.

Вошло в память о маме.

Подевались куда-то детали:
цвет воскресенья, запах субботы.

Может, детство проспали,
как школу?

Проснулись – пора на работу?

Нет дома моего детства.

Не осталось никого, кто помнит

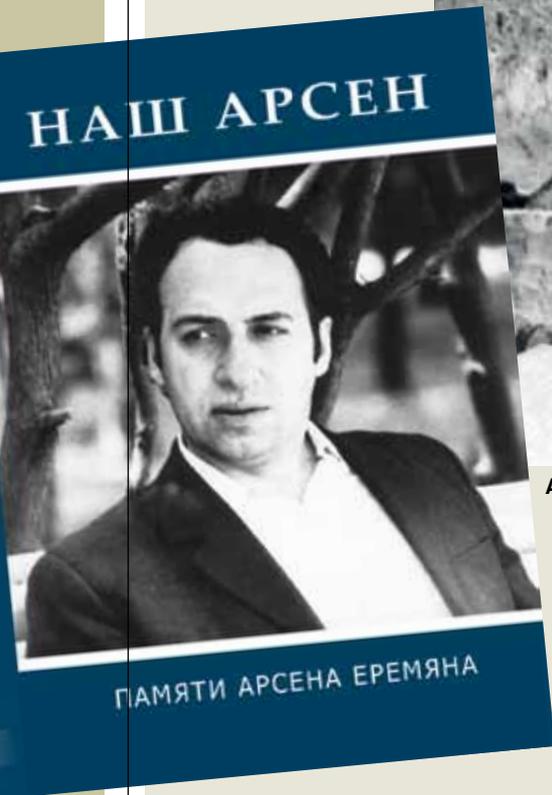
В парке парня с красавицей (парочка).

Только очень знакомый
глядит на меня с фотокарточки.

«Русский клуб» и театр имени Грибоедова сердечно поздравляют Дмитрия Спорышева с 35-летием и желают побед, радости и благоденствия!

Дмитрий Спорышев в спектаклях Грибоедовского театра

Арсен Еремян с родственниками в Гарни

ДАТЬ ПАМЯТИ РОДНОЙ ДУШИ

— Владимир САРИШВИЛИ

В августе прошлого года ушел от нас замечательный поэт, прозаик и журналист, мой старший товарищ, профессионал высокой словесности Арсен Еремян. В день, когда ему должно было исполниться 80 лет, 5 июня 2016 года, Международный культурно-просветительский Союз (МКПС) «Русский клуб», где в последние годы жизни Арсен Левонович работал заместителем главного редактора одноименного журнала, провел вечер памяти заслуженного журналиста Грузии, члена Творческого союза писателей Грузии.

В фойе Малого зала Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова раздавали изданные «Русским клубом» книги Арсена Еремыана и презентованный на вечере сборник «Наш Арсен», вышедший после его кончины. В нем собраны воспоминания бли-

жайших друзей Арсена Еремыана — поэта и прозаика Эмзара Квитаишвили, поэтов и переводчиков Камиллы-Мариам Коринтэли и Гиви Шахназари, летописца истории грузинской музыки и спорта Гулбата Торадзе, композитора и прозаика Моисея Борода, опубликовавшего рассказ Еремыана в Израиле, и других. В сборник вошли также лучшие стихотворения и образцы малой прозы Арсена Левоновича.

В самом начале вечера его ведущий — главный редактор журнала «Русский клуб» Александр Сватиков предложил друзьям и знакомым Арсена Еремыана (в числе последних — чуть не все жители исторического центра Тбилиси, а также его окрестностей) посмотреть слайд-шоу, запечатлевшее его в кругу семьи, на местах службы, в часы досуга и в кругу лиц, узнаваемых как в родной для него Грузии, так и во всем просвещенном мире. Этот видеоряд был показан в сопровождении музыки Микаэла Таривердиева, так же, как и Арсен Еремыан жившего недалеко от Грибоедовского театра и так же являвшегося выпускником прославленной 43-й тбилисской школы.

Коренной тбилисец во многих

поколениях, член Союза писателей и заслуженный журналист Грузии Арсен Еремыан по окончании филологического факультета ТГУ работал во многих известных печатных изданиях (в их числе «Вечерний Тбилиси», «Заря Востока» (переименованная в «Свободную Грузию»), а также сотрудничал с зарубежными периодическими изданиями. Какие бы ни дули на дворе ветры, он не утаивал, что работал и в аппарате ЦК КП Грузии, поскольку был уверен в своей незапятнанной репутации и добром имени.

Он обладал феноменальной памятью, для него не было секретов ни в одном из самых затененных уголков Старого Тбилиси. Будучи любителем старины, Арсен оформлял свои книги фотографиями былых времен. А сборники его стихотворений, прозы и публицистики издавались не только в Тбилиси, но и в Москве. Среди них — книги «Робинзоны в городе», «Высота», «Автограф» и другие. Одна из ключевых в творчестве Арсена книг «Позови меня как сына» сразу же была названа читателями одой грузино-армянской дружбе. Он был надежным солдатом прессы. В дни гражданской войны начала 1990-х в Тбилиси, с риском для

Гиви Шахназари

жизни, под пулями добирался до места работы на проспекте Руставели.

Говоря о многогранной журналистской деятельности своего коллеги, Александр Сватиков акцентировал внимание на двух ее ипостасях – спорте и теме Великой Отечественной войны, беседах с ее ветеранами, очерках и художественных произведениях о тех «сороковых, роковых, военных и фронтовых». Особенно гордился Арсен Левонovich написанной несколько десятилетий назад совместно с гроссмейстером Эдуардом Гуфельдом книгой о юной чемпионке мира по шахматам Майе Чибурданидзе «17 весен Майи» и сборником, выпущенным к 70-летию начала Великой Отечественной войны «22 июня», который, в числе другой книжной продукции МКПС «Русский клуб» и Союза писателей Грузии, автор этих строк совсем недавно представлял на «Книжном салоне-2016» в Санкт-Петербурге.

Арсен и сам был прекрасным шахматистом, с ним, что называется, не скучал за доской волшебник этой «царицы игр» Михаил Таль и другие асы черно-белых клеток. А чаще, чем о других видах спорта он писал о борьбе, баскетболе, футболе, водных видах спорта, легкой атлетике и шахматах. Книга «Гром победы» стала сборником очерков о всех олимпийских чемпионах Грузии. Интересная особенность – со своими собеседниками Арсен Еремян отношений не прерывал, захаживал в гости к великим спортсменам, и те к нему,

Эмзар Квитаишвили

Гулбат Торадзе

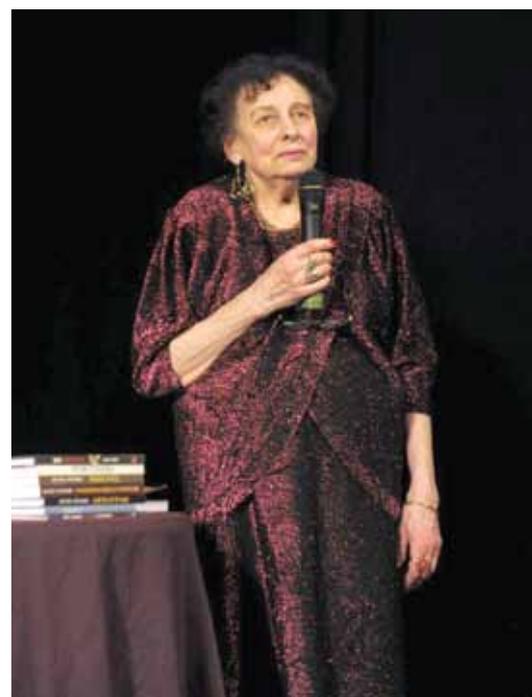
навещал семьи ветеранов войны и спорта, даже когда хозяйка уже покидали наш бранный мир и неизменно лично вручал 10-15 экземпляров журнала героям интервью или их близким.

А еще Арсен Еремян был великим мастером редатуры. Доброта его души не вступала в противоречие с профессиональной принципиальностью. Обладая безошибочной интуицией, Арсен Левонovich знал – что педалировать, а что затенить, какие и где расставить акценты.

Как сказала в своем слове со сцены Камилла-Мариам Коринтэли, стройную летопись Арсена Еремяна о Тбилиси его поры – городе, уже исчезнувшем из реалий истории, – следовало бы перевести и издать на грузинском языке – как завет и дар молодым юношам и девушкам, «обдумывающим житье». «Его стихи словно бы светятся, они близки духу Старого города, мысли о вечности и вечные вопросы в его лирике непринужденно гармонируют с интереснейшими деталями быта тех, невозвратных годов», – под-

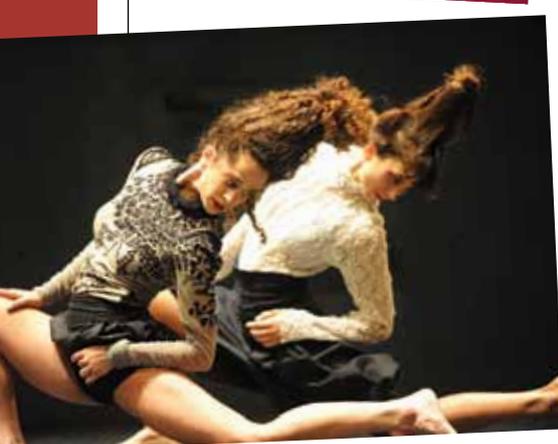
Александр Сватиков и Паола Урушадзе

Камилла Коринтэли

метила тонкий мастер поэтического слова Паола Урушадзе. И перед завершением вечера стихотворения Арсена Еремяна прочитали юные драматические артисты – учащиеся Детской школы-студии юного актера «Золотое крыльцо»

Поэт и мастер художественно-документальной прозы, в жизни Арсен Еремян был человеком скромным и не любившим публичности. Так же скромно и ненавязчиво «попрощался» он с гостями вечера – после минуты молчания прочитав на видеозаписи одно из своих стихотворений – светлую, элегическую философскую миниатюру.

ТБИЛИСИ В ИЮНЕ

■ Ирина МАСТИЦКАЯ

Июнь в Тбилиси, как всегда, начался цветением редких сортов роз. Изящные бутоны цвета зари с полыхающим алым кантом, обрамляющим каждый лепесток, появились у единственного старичка-садовода на цветочном рынке, в вазе нашего старого авлабарского дома, а через несколько дней распустились в новом прекрасном розарии храма Самеба. Это то, чего я всегда жду от июня – редкой красоты и изысканных зрелищ в старинных декорациях. И ожидания не были обмануты!

Неожиданный летний ливень вынудил нарядную публику бежать к началу новой постановки знакомого до боли балета «Лебединое озеро». Сколько раз с самого детства на разных сценах, в исполнении лучших солистов мы видели этот балет, но таким радостным и оптимистичным он не был никогда!

Новая постановка Фадеечева, торжественность обновленного старого зала, удивительно красивые новые декорации с совсем куйнджиевской луной над озером, яркие солисты, достойный

кордебалет и изящная женщина – бесподобная Нино Ананишвили, так радостно кричавшая «Браво» из своей ложи. Все доставляло радость! Воистину все, что озаряется светом настоящей звезды, становится прекрасным.

Следующим редким цветком был израильский балет «Вертиго-20» в театре Руставели в рамках фестиваля современного танца. Труппа, созданная 20 лет назад хореографом Ноа Вертхайм вместе со своим мужем, танцовщиком Ади Шаалем, не перестает удивлять зрителей во всем мире. Сегодня существование труппы превратилось в социальное явление. Они создали киббуц, где живут, репетируют, ставят балеты. Хотя балетом назвать увиденное не получается – скорее древние пляски, уводящие к истокам иудаизма. Поначалу зрелище странное. Персонажи действия стоят и сидят на полках по стенам. Оттуда они слетают и туда же взлетают вновь. Две женские фигуры с высокими пирамидальными прическами, как два древних идола, оживают, скользят по паркету, предвосхи-

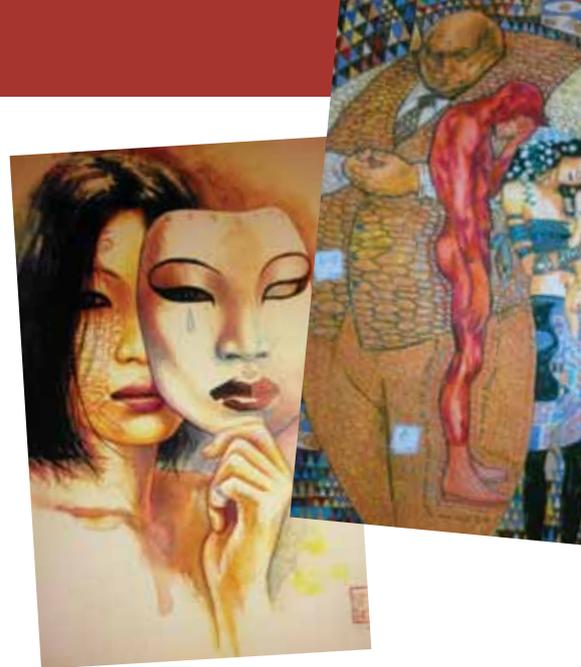
щая действо, которое продолжается под пронизывающую висок повторяющуюся мелодию. Полтора часа длится представление. Сюжета нет. Есть коллективная импровизация большой и очень техничной труппы. «Вертиго», то есть «головокружение» – название весьма условное. Скорее всего означает ощущения, которые должны появиться в голове зрителя. Но когда глаз и слух привыкают, понимаешь, что тебя увлекают, погружают в глубины иудейской души. Мы видим ее пластический рисунок, похожий на еврейскую письменность. Что-то совсем неведомое. А может, мы все пишем, как танцуем? Красива последняя сцена короткого еврейского счастья. По всему пространству сцены подвешены белые воздушные шары. Между ними медленно скользят люди, наслаждаясь каждым мигмом до того, как шары улетят. Щемящая жалостливая нота.

А через пару дней в старинном интерьере большого зала Публичной библиотеки можно было наблюдать версию грузинского счастья. Выставляла свои работы семейная пара – скульптор по металлу Темури Квезерели и живописец Нана Трапаидзе. На полу и на высоких тумбах по всему залу расставлены динамичные, с клинковым блеском и безудержным полетом фантазии, композиции отца семейства. По стенам – солнечные, яркие, с благоухающими пейзажами и букетами цветов, с трепещущими стаями бабочек полотна мамы. А между этими произведениями искусства, как между воздушными шарами, в красивых бальных платьях привычно движутся четыре маленькие дочери, мал мала меньше. Наглядный храм счастья! И это тоже редкое зрелище.

Поиски удивительной красоты в старинных декорациях не могли не привести в антикварный замок принца Ольденбургского, а ныне Музей театра, кино и хореографии, на выставку современного американского художника-писателя Дэвида Мака. Вновь оживший дворец – это не-

обыкновенный мир, который подарил наш царственный русский зять своей грузинской супруге. Мир счастья очень высокой пробы! 150 лет уже великосветскому роману, почти сто лет с момента, когда большевики с балкона выбрасывали уникальные книги и греческие мраморные статуи. Но дворец и сегодня поражает воображение невиданными изданиями книг за стеклами старинных бюро, изящными интерьерами, и, конечно же, коллекцией картин. Пейзаж М.Ю. Лермонтова, работы Бакста, Бенуа, Сомова, Гамрекели, Зданевича, Гудишвили... А какие портреты! Музей – шкатулка с перлами грузинской и русской культур. И хотя восстановлена только часть помещений, а художник у посетителей на глазах расписывает двери по старинным эскизам, есть полная иллюзия, что хозяева в доме и в любой момент могут войти в залу. Ну а гости – элита грузинской культуры полутора веков – все в сборе. Их глаза постоянно наблюдают со всех портретов.

Как попал в такую обстановку автор известных американских комиксов Дэвид Мак в первый момент не вполне понятно. Очевидно, вводит в замешательство название комиксов «Кабуки». Но к древнему японскому театру в данном случае оно отношения не имеет. Все намного круче! Кабуки – имя главной героини сериала комиксов. Красавица японка является ассасином японского правительства и держит под контролем политиков и якудзу. Комиксы мало популярное у нас направление творчества, далекое в нашем представлении от искусства. А профессия художник-писатель вообще в диковинку. Мало кто считает писательством надписи в словесных пузырях на рисунках. Но мы ошибаемся! После того как комиксы стали экранизировать, произошел качественный скачок. Сверхновые комиксы – это подлинные произведения искусства, а порой и литературы. Дэвид Мак тому прекрасное подтверждение. Яркая живопись, лаконичная, выразительная графика, интересные

коллажи совершенно органичны в Тбилисском дворце искусств.

В самом конце месяца обрадовало событие того же ряда – в Петербурге в музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме открылась выставка работ главного редактора журнала «Русский клуб», фотохудожника Александра Сватикова «Пешком по Тбилиси». В море фотографий Тбилиси, всплывающих на каждом сайте, его работы отличаются поиском красоты там, где она не очевидна для большинства, и может быть утеряна навсегда. Это всегда профессиональный взгляд Хранителя культуры. А еще это работы искреннего жизнелюбивого человека, разгадавшего код старинного города. Прекрасно, что редкие фотографии нашего города были поданы в декорациях знакового дома в Петербурге.

Спасибо июню!

ЮБИЛЕЙНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА СТД

■ Соб.инф.

Молодые грибоедовцы Нина Нинидзе и Ашот Симонян стали участниками X Международной Летней театральной школы СТД РФ, по традиции прошедшей в июне.

В Подмоскowie интенсивный образовательный трехнедельный курс посчастливилось пройти 87 учащимся из тридцати стран, включая США, Великобританию, Францию, Германию, Данию, а также 40 городов России. Итогом работ выпускников 2016 года стало несколько спектаклей разных жанров. В частности, Нина Нинидзе приняла участие в спектакле «Три сестры. Третий Акт» в постановке Дмитрия Брусникина (ассистенты Алексей Розин, Сергей Щедрин), а Ашот Симонян сыграл в постановке «Пушкин. Маленькие трагедии», которую представил Анатолий Праудин (художник Алексей Порай-Кошиц). Спектакли были показаны в Театральном центре СТД РФ «На Страстном», Центре Любви Орловой в Звенигороде и Истринском драматическом театре.

Программа Летней школы, как всегда, была очень насыщенной. Актерскими мастерскими руководили Вениамин Фильштинский, Гитис Падегмас и Вячеслав Кокорин. Азами своей профессии с молодыми коллегами поделились Александр Калягин и Константин Райкин. Мастер-классы провели ведущие российские режиссеры: художественный руководитель Малого драматического театра – Театра Европы Лев Додин, руководитель «Студии театрального искусства» Сергей Женовач и главный режиссер Санкт-Петербургского театра им. Ленсовета Юрий Бутусов. В рамках Летней школы учащиеся посетили интенсивные занятия по сценической речи (педагог – Елена Ласкавая), сценическому движению (педагог – Андрей Дроздин), вокалу (педагог – Алена Хованская), контактной импровизации (педагог – Алексей Ищук), ритмике (педагог – Елена Дружникова) и фехтованию (педагог – Андрей Ураев). За десять лет существования школы ее выпускниками стали более 800 молодых актеров.

Перед репетицией спектакля «Три сестры. Третий акт» с Дмитрием Брусникиным

Нина Нинидзе и Ашот Симонян

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ი შ ვ ი ლ ი

ПЕТЕРГОФ
НИЖНИЙ ПАРК

